Б. Прилуко-Прилуцкій

КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

Выпускъ I

ЛОМОНОСОВЪ

Жизнь и творчество

Н. Г. ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ

КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ И БІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ

ЛОМОНОСОВЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

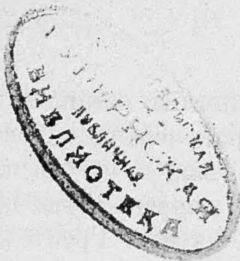
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ ЦѢНА 40 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „ОРОСЪ"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВАРШАВА

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ).
Изм. п., 7 рота, 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Духъ эпохи, вызвавшей появленіе Ломоносова.

(Таинственныя путешествія невѣдомыхъ людей изъ туманной дали. — Петровскія преобразованія. — Нравственное перевоспитаніе наиболѣе податливыхъ умовъ. — Вліяніе Лейбница на Петра Великаго.—Принципы широкой гуманности, поставленные въ переводахъ. — Выработка высокаго понятія о теченіи дѣятелей мысли и просвѣщенія.—Новые люди, дѣти петровской реформы (Тверитиновъ, Посошковъ, Татищевъ).—Традиціи петровскаго западничества.—Духовное содержаніе послѣдующей переходной эпохи. — Перениманія съ запада со скрытыми помыслами о будущей самостоятельности.—Кантемиръ.—Ломоносовъ. — Чаянія послѣдняго.—Развитіе новыхъ облагораживающихъ понятій. — Проповѣдь человѣчности и героическаго самопожертвованія, какъ внутренее содержаніе новонародившейся литературы.

Въ старинныхъ сказаніяхъ нашего народа (особенно сѣверянъ), даже въ мѣстныхъ житіяхъ, часто повторяется мотивъ таинственнаго пришествія невѣдомыхъ людей изъ туманной дали, подплывающихъ къ русской землѣ или по морскимъ волнамъ, или по какой-нибудь изъ широкихъ русскихъ рѣкъ. Фантазія, настроенная на чудесный ладъ, привыкшая облекать въ таинственные образы всю окружающую суровую природу, создавшая свою демонологію подъ завыванья бури, стукъ дождя и давящій мракъ, не могла не облечь въ загадочность и столкновеній своихъ съ далекими чужаками. Съ тревогой и замираніемъ сердца обращалъ русскій человѣкъ свои взоры въ ту даль, которая могла вдругъ выслать къ нему своихъ диковинныхъ представителей. И дѣйствительно, по временамъ показывались они; но вѣкъ отъ вѣка, ихъ обличье мѣнялось, и изъ сумрака вырѣзывались уже опредѣленныя, осязательныя человѣческія черты. Въ далекую старину оттуда приплывалъ богатырь чудовищно сильный съ ратью нездѣшнею; оттуда же показался потомъ передъ Новгородомъ на своей скалѣ Антоній Римлянинъ, занесенный морскимъ теченіемъ въ благочестивую русскую землю; оттуда стали приходить къ новгородцамъ ихъ иностранные гости, занося съ собой стремленія къ рели-

гіозному свободомыслію, оставляя зародыши раннихъ русскихъ сектъ; оттуда прикочевали со своимъ станкомъ первые учители печатнаго дѣла и оттуда же занесли свой энтузіазмъ, свою страстную, энергическую пропаганду такія необычныя личности, какъ Максимъ Грекъ и Крижаничъ. Туманъ мало-по-малу расходился, даль перестала казаться зловѣщею; она начинала дѣйствовать заманчиво, привлекательно; не даромъ, видѣли мы, въ нее уже уходило безвозвратно столько молодыхъ и способныхъ людей.

Въ такомъ переходномъ состояніи застали русскую жизнь *петровскія преобразованія.* Сразу все, что еще могло казаться страшнымъ и таинственнымъ, было осмотрѣно лицомъ къ лицу; дневной свѣтъ озарилъ и международныя отношенія и разницу культуры; съ дѣловымъ, практическимъ реализмомъ намѣтились цѣли дальнѣйшей, ускоренной работы. Она не могла не повести за собой крупныхъ неудобствъ, неровностей,—но важнѣе всего *тотъ духъ, который внесенъ былъ тогда въ нашу образованность, то нравственное перевоспитаніе, которое подѣйствовало вскорѣ на наиболѣе податливые умы и подготовило для слѣдующей эпохи убѣжденныхъ и честныхъ дѣятелей.*

Лейбницъ сумѣлъ внушить Петру, что «провидѣніе, рѣшивъ, что наука должна обойти кругомъ весь земной шаръ, теперь перешла въ Скиѳію, и что *оно избрало Петра своимъ орудіемъ,* такъ какъ онъ можетъ съ одной стороны изъ Европы, съ другой изъ Азіи взять лучшее и усовершенствовать то, что сдѣлано въ обѣихъ частяхъ свѣта, избѣгая ошибокъ, вкравшихся въ Европѣ постепенно и незамѣтно.

Новые начала и взгляды поразятъ насъ, какъ только мы прикоснемся къ ветхимъ листамъ книгъ петровскаго времени. Чувствуешь, что чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, свободнымъ пахнуло въ заповѣдной тиши.

Переводы изъ нѣмецкихъ и голландскихъ юристовъ ставятъ *неслыханные въ офиціальномъ русскомъ мірѣ принципы широкой гуманности;* Пуффендорфъ разъясняетъ *обязанности и права личности,* имѣя въ виду «человѣка и гражданина», которому свойственны на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ неотъемлемыя «естественныя» вольности; его «Ѳеатронъ», переведенный Гавріиломъ Бужинскимъ, учитъ *вѣротерпимости, свободѣ совѣсти.* Полемика съ иностранными пам-

флетистами, въ родѣ Нейгебауэра, составленіе извѣстнаго шафировскаго разсужденія о причинахъ войны со Швеціею только для отповѣди какому-то шведскому публицисту, наконецъ созданіе русской журналистики, какъ бы наивна она ни была въ первое время, *пріучаютъ народное мнѣніе къ гласности.* Петръ окружалъ свои «Вѣдомости» необыкновенной заботой, и, какъ свидѣтельствуетъ первый трудолюбивый ихъ редакторъ, переводчикъ Борисъ Волковъ, придававшій иностранному отдѣлу большую полноту, съ любовью собиралъ газету по-годно, «яко всекуріозный въ литературѣ монархъ», какъ мѣтко называетъ его Волковъ. Духъ политической сатиры, подкапывавшейся подъ власть многихъ западныхъ правителей, вызывалъ сочувствіе въ Петрѣ; онъ съ удовольствіемъ читалъ приносимые западными журналами образцы брошюръ и памфлетовъ и писалъ на поляхъ юмористически-одобрительныя отмѣтки. Постепенно вырабатывалось *высокое понятіе о значеніи дѣятелей мысли и просвѣщенія.* Петръ велъ сношенія съ Лейбницомъ какъ съ равной ему царственной величиной, склонялся съ почтеніемъ передъ Рэйшемъ, Бургавомъ и другими голландскими и англійскими знаменитостями. *Знаніе, точная наука впервые получаютъ у насъ почетное значеніе.* По свидѣтельству Вебера, *любимой темой бесѣдъ въ кружкѣ Петра,* много разъ ставившеюся имъ на очередь, *было величіе науки.* Едва не установилась такая трезво-реалистическая точка зрѣнія, которая могла бы надолго отдать положительной наукѣ предпочтеніе передъ всякимъ умозрѣніемъ или художественнымъ творчествомъ.

Обширная печатная или же сохранившаяся въ рукописяхъ переводная литература петровскаго времени, посвященная распространенію полезныхъ и развивающихъ знаній,— живой памятникъ этого просвѣтительнаго движенія. Литература и театръ стояли на второмъ планѣ, но, подобно Генриху IV, забывавшему свои простые солдатскіе вкусы, любовь къ старонародному комизму площадныхъ буффоновъ и т. д., для того, чтобъ меценатствомъ литературѣ и правильному театру привить одичавшему въ раздорахъ и войнахъ французскому обществу больше мягкости и облагороженности въ понятіяхъ и пріемахъ общественной жизни, Петръ удѣлялъ время отъ своихъ заботъ о насущныхъ, по его мнѣнію, нуждахъ для такого чуждаго ему лично дѣла, какъ развитіе

театра; постройку первой комедіальной хоромины въ Москвѣ онъ провелъ, несмотря на глухое противодѣйствіе боярства, какъ одно изъ насущныхъ новыествъ ранняго преобразовательнаго періода; наравнѣ съ ассамблеями театръ входилъ въ его планы гуманизированія нравовъ.

Глубокое влеченіе его къ простотѣ жизни наложило спасительный отпечатокъ и на такой важный элементъ литературы, какъ ея слогъ. Корректурныя поправки его всегда предлагаютъ живое и мѣткое народное слово вмѣсто насильственно обрусѣлаго и ненужнаго чужого, и эта любовь къ народной рѣчи, сказавшаяся еще въ дѣтскихъ и юношескихъ его письмахъ и ученическихъ работахъ, столь же замѣтно проходитъ по всей его жизни, не потерпѣвъ ущерба отъ европеизма, какъ и интересъ къ старинѣ, казалось, столь суровой къ нему въ лицѣ ея послѣднихъ приверженцевъ,— интересъ, поддержанный въ немъ любознательнымъ Брюсомъ, не только спеціалистомъ по математическимъ наукамъ, но историкомъ, археологомъ, собирателемъ русскихъ лѣтописей, вдохновителемъ Татищева.

Такимъ образомъ, не только въ количественномъ отношеніи выигрываетъ образованность отъ совершившагося переворота, но съ усилившимся общеніемъ съ Европой *) живительныя струи новыхъ *идей* проникаютъ въ русскую общественность, пытаясь перевоспитать ее, подобно тому, какъ перевоспитывали они богатую натуру ея передового представителя, приведя его, сначала послушнаго и всему удивляющагося подражателя, къ мечтамъ о той порѣ, когда настанетъ слава русскаго просвѣщенія.

Если отъ его центральной личности мы перенесемъ нашъ взглядъ на выдвигавшихся уже постепенно *новыхъ людей*, живые слѣды этого духовнаго вліянія современной поры на нихъ не замедлятъ сказаться. Для людей безвѣстныхъ, затерянныхъ въ массѣ, въ родѣ аптекарскаго помощника Тверитинова или подмосковнаго крестьянина Посошкова, открывалась новая жизнь.

Первоначальныя отношенія Петра къ расколу, его убѣжденіе, что «въ совѣсти воленъ Богъ», принесли свои плоды.

---

*) Образовалась цѣлая литература описаній европейскаго быта и нравовъ изъ записокъ петровскихъ подневольныхъ туристовъ.

Тверитиновъ, увлекаясь своей религіозной, наполовину протестантской пропагандой, *ставитъ свое вольнодумство подъ охрану новаго духа времени:* «нынѣ у насъ въ Москвѣ, слава Богу, повольно всякому, кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ», говорилъ онъ, и, окруженный довольно значительной группой единомышленниковъ (тутъ есть и фискалъ, и хлѣботорговецъ, и цирюльникъ, и купецъ изъ овощнаго ряда), онъ «до розыскнаго дѣла имѣлъ свой голосъ такъ смѣло, яко бы заграничный иноземецъ». Своимъ благороднымъ отношеніемъ къ вѣротерпимости, казалось, полагавшей конецъ старой суровости къ еретикамъ, онъ требуетъ себѣ мѣста въ ряду приверженцевъ реформы; гоненіе, яростно веденное противъ него Стефаномъ Яворскимъ и едва не доведшее его до гибели, показало, что онъ слишкомъ горячо повѣрилъ наступленію золотого вѣка.

Тѣмъ же бодрымъ сознаніемъ всеобщаго пробужденія сіяетъ отъ сочиненій Посошкова. Самоучка, начетчикъ, еще недавно ревностный участникъ раскольничьихъ споровъ изъ-за буквы, чуть не пострадавшій въ когтяхъ Преображенскаго приказа за порицаніе первоначальныхъ петровскихъ мѣръ, онъ не только призналъ себя побѣжденнымъ величіемъ и пользой нововведеній, возрождающихъ жизнь, самодѣятельность, дающихъ всѣмъ смѣтливымъ и даровитымъ людямъ въ родѣ него возможность заявить свои мысли и способности на общее благо, но изъ строгаго критика сталъ страстнымъ поклонникомъ преобразователя. Онъ можетъ повторить иногда отсталую мысль; боясь иновѣрнаго вліянія, онъ мелочно и смѣшновато споритъ съ Лютеромъ, не оставляя его въ покоѣ («зри, Лютope!»—восклицаетъ онъ вдругъ послѣ указанія на какія-нибудь русскія доблести), съ негодованіемъ относится къ экономической зависимости русскаго народа отъ иноземцевъ,— но *что за увлеченіе новымъ временемъ, что за уваженіе къ знанію, и какіе планы уже роятся въ головѣ этого человѣка,* скромно повторявшаго, что онъ «самый простецъ и мизирный рабичищъ!» По его словамъ, *«вся Россія яко отъ сна пробудилась».* Ему кажется недостаточнымъ образованіе, получаемое даже зарядными людьми; для деревенскаго люда онъ желалъ бы *всеобщаго и обязательнаго обученія.* За народной обязательной школой ему грезилось среднее образованіе, дающее молодежи возможно болѣе практическихъ свѣдѣній, а во главѣ всего на-

роднаго просвѣщенія «академія великая всѣхъ наукъ» въ одной столицѣ и «великая патріаршая академія» въ Москвѣ, съ учителями на первое время изъ Греціи и другихъ православныхъ странъ, а если тамъ «самыхъ высокоученыхъ людей не обрящется, то и изъ люторской вѣры».

Но одна образованность не удовлетворяла Посошкова. Новѣйшая наука уже оцѣнила своеобразные взгляды на народное благосостояніе и *экономическія реформы автора* «Книги о скудости и богатствѣ», этого проницательнаго самоучки, наведеннаго новымъ культурнымъ движеніемъ на замыслы и догадки, въ эту раннюю пору предвѣщавшіе теоріи Адама Смита. Необходимо, по его мнѣнію, *разумное переустройство всей жизни,* прежде всего выработка *новаго, гуманнаго уложенія* при участіи «разумныхъ, правдолюбивыхъ и смысленныхъ людей», избранныхъ повсемѣстно отъ всѣхъ сословій, даже отъ крестьянъ,— ибо «безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса сдѣлать этого никоими дѣлы невозможно»,— и затѣмъ передающихъ свою работу, «сочиненные ими пункты», на *освидѣтельствованіе всѣмъ народомъ самымъ вольнымъ голосомъ»*. Чудилась ему въ будущемъ слава родной страны,— *слава культурная.*

Научная требовательность еще сложнѣе и опредѣленнѣе у другого, несравненно болѣе образованнаго «птенца Петрова», *Татищева.* Изъ раннихъ культурныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ во время двухъ поѣздокъ въ Германію, и въ особенности изъ житья въ Швеціи, гдѣ развилось знакомство его съ западной политической и философской литературой, Локкомъ, Гоббзомъ, Маккіавели, Бэйлемъ, чей скептицизмъ и свободомысліе на него сильно подѣйствовали, и гдѣ подъ вліяніемъ изученія важныхъ русскихъ документовъ, сберегающихся въ мѣстныхъ архивахъ, у него окрѣпла мысль посвятить себя созданію *русской исторіи,* унесъ онъ въ свою неутомимо дѣловую жизнь *запросы и стремленія, достойныя мыслителя-европейца.* Организуетъ ли онъ заводское хозяйство на Уралѣ, онъ возстановляетъ противъ себя зажиточный классъ своими заботами о малолѣтнихъ рабочихъ, объ ихъ грамотности и здоровьѣ; въ Оренбургѣ и Астрахани старается внести свѣтъ и порядокъ въ бытъ кочевниковъ; разнообразіе быта и природы русскихъ владѣній, изведанное имъ на опытѣ, привело его къ смѣлой мысли объ описаніи Россіи по такому широкому плану, который вполнѣ осуществить можно было бы

лишь въ наше время; многолѣтній его трудъ созданія исторіи своего отечества, достойной русской народной чести, объединенъ введеніемъ и поясненіями, устанавливающими основы и назначеніе историческаго повѣствованія съ философскимъ глубокомысліемъ и искренними національными сочувствіями.

Татищевъ искренно негодовалъ на то, что въ его время не только невѣжды, но и «весьма преславные мужи *дерзали* осуждать науку», и въ своемъ «Разговорѣ о пользѣ книгъ и училищъ», обстоятельно доказывая высокое значеніе знанія и требуя его распространенія не только для шляхетства, но для всѣхъ русскихъ людей безразлично, онъ впервые у насъ восхвалялъ тѣхъ «мучениковъ науки», которые способны были жизнью жертвовать за нее, терпѣли преслѣдованія и гоненія; Сократъ, Платонъ, Коперникъ, Декартъ, Пуффендорфъ, многочисленныя жертвы инквизиціи образуютъ собой внушительный списокъ «высокаго ума и науки людей, невинно оклеветанныхъ».

Татищевъ соединялъ въ себѣ типическія черты непосредственнаго ученика Петра Великаго и его послѣдователя и продолжателя, изъ числа тѣхъ, которые, дѣйствуя въ позднѣйшую эпоху, все же примыкаютъ къ «петровской школѣ». Понятая въ такомъ расширенномъ смыслѣ, включающая въ себя и современниковъ и ближайшихъ потомковъ, эта школа становится гораздо внушительнѣе по своему объему и составу. Тутъ есть крестьяне, ремесленники, аристократы, духовныя лица, даже развитыя женщины, первыя представительницы призваннаго наконецъ къ разумной жизни русскаго женскаго міра.

Традиціи петровскаго западничества составили духовное содержаніе послѣдующей переходной поры. *Рѣшимость всѣ силы затратить, чтобы овладѣть знаніемъ; развитіе личной энергіи, неотступающей передъ лишеніями, странствіями, бѣдностью, своего рода фанатизмъ къ наукѣ и образованности, ненасытная любознательность,—все это наслѣдіе, оставленное Петромъ и его школой въ тѣсномъ смыслѣ слова, было усвоено и развито ея преемниками.* Всѣ они обращаютъ взоры свои на западъ, но не изъ простой переимчивости, а съ скрытыми помыслами о будущей самостоятельности, подсказанными народною гордостью. Ради этого они идутъ въ ученье къ иностранцамъ, ищутъ источника знанія.

Кантемиру тѣсно въ Петербургѣ, гдѣ послѣ Петра наука уже не въ почетѣ, «ходитъ ободрана, въ лоскутахъ зашита», гдѣ его могутъ понять только два-три человѣка. Онъ оживаетъ лишь въ Лондонѣ и въ Парижѣ, въ обществѣ Монтескье, аббатовъ Гуаско и Венути, Мопертюи, въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Юное остроуміе его первыхъ сатиръ становится тѣмъ серьезнымъ «смѣхомъ сквозь слезы», который онъ занесъ къ намъ подъ вліяніемъ Буало. Его политическое воспитаніе, начавшееся съ рѣзкихъ, иногда траги-комическихъ столкновеній слишкомъ молодого и неопытнаго дипломата, занесшаго на западъ привычки отечественной расправы, съ англійскою вольностью [1]), и перешедшее въ уваженіе къ ней, расширило кругозоръ его и какъ государственнаго человѣка.

Ломоносовъ разгадываетъ свое настоящее призваніе лишь въ Германіи, куда завело его еще болѣе неодолимое влеченіе.

Баснословно чудесными путями, часто пѣшкомъ, перекочевываетъ въ Голландію и потомъ въ Парижъ другой основатель новаго стиха, — Тредьяковскій; къ выѣзжимъ французамъ идетъ въ науку Сумароковъ, къ нѣмцамъ — Өедоръ Волковъ, къ шведамъ — Татищевъ. И когда они приходятъ къ сознанію, что пора ученія и скитанія — Lehr- und Wanderjahre — для нихъ прошла, они закладываютъ фундаментъ обновленной образованности, внося каждый по мѣрѣ способностей свой вкладъ: Кантемиръ — свои сатиры, Ломоносовъ — научную пропаганду и торжественную лирику, Тредьяковскій — стихосложеніе, Сумароковъ — трагедію, Волковъ — національную сцену, Татищевъ — историческую науку.

Ихъ ученическая работа шла *открыто и честно.* Если бы спросить у Кантемира объясненія, откуда онъ взялъ форму своихъ сатиръ, поэмъ, одъ, анакреонтическихъ произведеній, онъ простодушно указалъ бы, что тамъ онъ подражалъ Өеофрасту и Лабрюйеру, тутъ «Горацію и Буалу французу», Ма-

---

[1]) Получивъ отъ своего правительства порученіе во что бы то ни стало разузнать, кто авторъ оскорбительныхъ для Россіи „Lettres moscovites“, и воспротивиться изданію ихъ въ англійскомъ переводѣ, онъ сначала требуетъ карательныхъ мѣръ противъ памфлетиста (нѣкоего Локателли), но въ первой же бесѣдѣ съ лордомъ Гарингтономъ получаетъ урокъ на тему о „свободномъ печатаніи, какъ фундаментѣ англійской вольности“, которая такъ далеко простирается, что „противъ своего собственнаго государя безъ всякой опасности повседневно печатаютъ“. Новичекъ-дипломатъ предлагалъ своему начальству напечатать опроверженіе, — или же „черезъ тайно посланныхъ гораздо побить“ пасквилянта.

тюрену Ренье или Вольтеру, и т. п.; детальныя примѣчанія къ сатирамъ раскрываютъ мельчайшія подробности его писательскаго труда; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нихъ, какъ и изъ примѣчаній къ переводу книги Фонтенелля, образуется первый сводъ свѣдѣній о всеобщей литературѣ и главныхъ писателей для непосвященнаго русскаго читателя, который тутъ узнавалъ, кто былъ Мольеръ, Декартъ и др. Кантемиръ признается охотно, что любитъ Францію; еще юношей переводилъ онъ «утѣшное критическое описаніе Парижа», гдѣ описывались, между прочимъ, веселыя гулянья въ «славномъ огородѣ *детуллеріи*». Интимныя бесѣды съ умными людьми, въ родѣ той, которую Батюшковъ изобразилъ въ своемъ «Вечерѣ у Кантемира», доставляли ему высокое наслажденіе; съ Мопертюи онъ занимался естествознаніемъ, переписывался объ исторіи съ Вольтеромъ. Тредьяковскій находилъ, что нужно имѣть «духъ звѣрски», чтобъ не любить «красное мѣсто, драгой берегъ сенски»; замашки галломана не разстаются съ нимъ никогда, и ему даже удается усвоить себѣ живой и легкій слогъ во французскихъ стихотвореніяхъ, несравненно болѣе удачныхъ, чѣмъ его дебелыя русскія оды. Въ первыхъ же опытахъ Ломоносова чувствуется близость къ тому или другому мѣсту въ его нѣмецкихъ и французскихъ образцахъ. Откровенное подражаніе Сумарокова пріемамъ Вольтера, Расина, Мольера (въ комедіяхъ) слишкомъ извѣстно. Онъ усвоивалъ ихъ съ любовью и уваженіемъ, и въ своей пятой *эпистолѣ* присоединилъ къ числу этихъ любимѣйшихъ авторовъ цѣлый циклъ великихъ писателей, достойныхъ стать нашими образцами.

Наконецъ, Волковъ всѣми свѣдѣніями своими объ организаціи театральнаго дѣла, главнымъ ободреніемъ къ замыслу устройства ярославскаго театра былъ обязанъ тѣсной дружбѣ и указаніямъ даровитаго нѣмецкаго актера Аккермана, въ ту пору директора прекрасной нѣмецкой частной труппы, пробывшей въ Россіи, преимущественно въ Петербургѣ, цѣлыхъ пять лѣтъ, впослѣдствіи же одного изъ членовъ знаменитаго гамбургскаго театра, руководимаго Лессингомъ, который въ своей «Гамбургской Драматургіи» сочувственно оцѣнилъ дѣятельность Аккермана. Когда же съ рѣдкою энергіею Волковъ создалъ постоянныя сцены сначала въ Петербургѣ (гдѣ подспорьемъ были силы его ярославскихъ товарищей), а затѣмъ

въ Москвѣ, гдѣ никакихъ силъ не было наготовѣ и приходилось вызывать ихъ изъ общества,— репертуаръ новаго русскаго театра, искусно составленный изъ произведеній Мольера, Лессинга, Дидро и др., воспитывалъ публику и исполнителей для болѣе самостоятельнаго періода нашей сцены.

Но эти обязательства и зависимость не сдѣлали двигателей нашей образованности въ переходную пору рабами чужой указки. *У каждаго изъ представителей ранней нашей литературной школы мы видимъ опредѣленное желаніе самостоятельной дѣятельности, каждому хочется занять въ родной средѣ такое же положеніе, какое занимаютъ передовые писатели Запада, каждый стремится внести русское содержаніе въ свои произведенія.*

Первый русскій салонъ, открытый въ Парижѣ Кантемиромъ, знакомилъ Францію съ Россіею, и первый русскій сатирикъ занялъ видное мѣсто въ современной европейской словесности.

Въ какой степени удастся это заявленіе своей самобытности, будетъ зависѣть отъ таланта или самостоятельности той или другой личности. Но *духъ соревнованія*, задора къ работѣ, *любви къ родному слову*, поддержанный сравненіемъ нашего дѣтскаго лепета съ европейскими литературными успѣхами, къ чести родоначальниковъ нашей новой словесности, высказывается вполнѣ опредѣленно.

Кантемиръ и Ломоносовъ ставятъ себя подъ покровъ петровской идеи и какъ бы хотятъ показать міру, что русская земля можетъ «рождать своихъ Невтоновъ». Опираясь на недоступную тогда ни для кого изъ русскихъ просвѣтителей научную подготовку на Западѣ,— пять лѣтъ, проведенныхъ въ нѣмецкой университетской средѣ, съ такими руководителями, какъ Христіанъ Вольфъ,— *Ломоносовъ выходитъ на свою культурную работу.* Патріотизмъ его слишкомъ извѣстенъ, его *разсужденія* обнаруживаютъ трезвую практическую точку зрѣнія *русскаго* наблюдателя; *народолюбіе публициста, выступающаго на защиту темной и совершенно безпризорной массы, проявляется необыкновенно ярко*, но гуманность, призывы къ справедливости поддержаны сличеніями съ Германіей и другими образованными странами, желаніе реформъ мотивируется стремленіемъ не отстать отъ Европы, исторія развитія западной научной мысли вызываетъ желаніе видѣть и

въ Россіи зарожденіе *вольнаго философствованія,* подобно тому, какъ въ развитіи русскаго стиха мы видимъ у него свободное состязаніе съ иностранцами, а въ физико-химическихъ и иныхъ научныхъ работахъ желаніе пересадить къ намъ, обрусить по возможности, развивать далѣе русскими силами и приложить къ нуждамъ русскаго народа цѣнные результаты западной науки.

Кантемиръ, съ виду совсѣмъ принявшій внѣшность и привычки европейца, интересующійся такими предметами, которые въ ту пору могли быть доступны у насъ лишь немногимъ (таковы, наприм., его «Письма о природѣ и человѣкѣ», хранящіяся въ Публичной библіотекѣ,— первая на Руси популярная статья по естествознанію,— мысли о воспитаніи, введенныя въ VII сатиру подъ вліяніемъ Локка, старанія о переводѣ «Entretiens sur la pluralité des mondes» Фонтенелля, возбудившемъ яростное сопротивленіе русскихъ обскурантовъ-церковниковъ,— первое серьезное нападеніе цензурно запретительнаго характера на популяризацію западнаго научнаго еретичества), и какъ будто ушедшій въ обособленную жизнь кабинетнаго ученаго, близко принимаетъ къ сердцу успѣхи русскаго слова, не только съ радостнымъ сознаніемъ участвуетъ въ заложеніи русской литературной своеобразности, но, *не смотря на философскую умѣренность, готовъ вынести всю тягость положенія писателя въ темной общественной средѣ.*

Эти люди, какъ бы они ни расходились, ни враждовали между собой, дѣйствовали въ одномъ направленіи и внесли въ литературную область немало *новыхъ облагораживающихъ понятій.* Достоинство человѣческой личности ставится высоко уже у Кантемира; требованія обновленія и простора народной жизни, отличавшія еще Посошкова, развиваются у Ломоносова въ цѣломъ рядѣ проектовъ реформъ, *проникнутыхъ духомъ гуманности, озабоченныхъ «сохраненіемъ, размноженіемъ» и просвѣщеніемъ народа,*—и въ замыслѣ основать первый русскій университетъ, осуществлявшемъ наконецъ предположенія Годунова, Полоцкаго, Посошкова и Петра съ Лейбницомъ; отвѣтственность защитниковъ застоя передъ обличительнымъ словомъ устанавливается прочно въ Кантемировыхъ сатирахъ, сумароковскихъ притчахъ и комедіяхъ, рѣзкихъ нападкахъ ломоносовскихъ разсужденій на суевѣрія и предразсудки; даже тяжелая ложно-классическая трагедія, идя

по слѣдамъ своей западной предшественницы, украсила себя торжественными и благонамѣренными монологами, которые звучали среди современной публики *проповѣдью человѣчности и героическаго самопожертвованія.* Недалеко еще ушла эта пора отъ первыхъ шаговъ петровской реформы, *а уже народившаяся литература пріобрѣла довольно опредѣленное обличье и внутреннее содержаніе.*

Алексѣй Веселовскій.

Борьба для науки и за науку, какъ содержаніе всей жизни и дѣятельности Ломоносова.

(Связь лит. дѣятельности Л. съ преобразовательной эпохой.—Дѣтство великаго человѣка.—Свободный двинскій край.—Любознательность рыбацкаго сына.—Страсть къ ученію.—Бѣгство въ Москву.—„Обученіе въ Спасскихъ школахъ“.—Л. за границей.—Новая теорія русскаго стиха и первая ода.—Возвращеніе въ Россію.—Завѣтъ Петра Великаго и патріотизмъ Ломоносова.—Въ чемъ величіе послѣдняго?—Лесть Ломоносова и ея характеръ.—Мысль о благѣ и счастіи народа и указанія на просвѣщеніе и мирную политику, какъ на главныя условія народнаго счастія.—Основное содержаніе одъ и похвальныхъ рѣчей Л.—Ломоносовъ какъ знаменосецъ Петра В.—Борьба съ народными суевѣріями. Форма и тонъ писаній Л.—Вопросъ объ отношеніи науки къ вѣрѣ.—Л. и естественныя науки.—Л. и литературно-теоретическія вопросы.—Л., какъ педагогъ.—Причина смерти Л.)

Литературная дѣятельность Ломоносова вытекаетъ изъ преобразовательной эпохи, которою она только и опредѣляется. Ломоносовъ посвятилъ ей одной всю свою жизнь, приложилъ исключительно къ одной задачѣ тѣ геніальныя силы, которыя дала ему природа. Вотъ отчего *вопросъ о наукѣ и объ ея отношеніи къ разнымъ сферамъ жизни можно считать основнымъ вопросомъ не только литературныхъ его трудовъ, но и самой его жизни.* Вся она прошла въ борьбѣ *для* науки и *за* науку. Въ юности ему нужно было безпрерывно бороться съ разными препятствіями, чтобы самому овладѣть силами науки; въ зрѣлые годы—чтобы дать имъ жизненную силу въ сферѣ русской жизни.

Рыбацкому сыну Михаилу Ломоносову въ годъ смерти Петра Великаго было четырнадцать лѣтъ. Изъ родного села Денисовскаго (на Сѣверной Двинѣ, близъ Холмогоръ) онъ со своимъ отцомъ ѣзжалъ въ Архангельскъ и отсюда въ Бѣлое

море на рыбный промыселъ; также перевозилъ разные казенные запасы въ приморскія мѣстечки; слышалъ разсказы о царѣ Петрѣ, который въ юности плавалъ по Двинѣ и Бѣлому морю. Все это должно было развивать его и давать мысли извѣстное направленіе.

Особое положеніе Двинскаго края могло благопріятствовать *свободному развитію сильной натуры* болѣе, чѣмъ какая-либо другая русская область. Съ одной стороны, здѣсь не было развито ни помѣстное, ни крѣпостное право, слѣд., *личность сельскаго жителя не была порабощена произволомъ сильнаго.* Съ другой стороны, отдаленность края отъ московскаго центра, такъ сказать, захолустье, малонаселенность не привлекали къ себѣ особеннаго вниманія тогдашней администраціи, которая въ своихъ отдѣльныхъ личностяхъ была тяжела народу разными незаконными поборами и несправедливымъ судомъ. Не даромъ здѣсь основалось много раскольниковъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ. Приморское положеніе края и скудные его урожаи вызывали жителей на морскіе промыслы, слѣд., и на борьбу съ моремъ, что должно было развивать въ нихъ *предпріимчивость, отвагу, находчивость*, т.-е. качества, которыми вообще отличаются поморяне. Понятно, что среди такой обстановки *натура страстная съ умомъ весьма сильнымъ отъ природы* должна въ себѣ еще болѣе развить всѣ эти качества, а та или другая случайность должна направить ее на извѣстный путь.

Натуру Ломоносова нельзя назвать спеціальною, какъ бы предназначенною для одного опредѣленнаго поприща. Онъ могъ направить свои силы на всѣ поприща, гдѣ только представлялось свободное развитіе и увлеченіе какою-либо идеею. При этихъ двухъ условіяхъ онъ былъ способенъ вести всякую борьбу и своею энергіею побѣждать многія препятствія. При другихъ обстоятельствахъ онъ могъ бы быть отличнымъ мореходцемъ, промышленникомъ, реформаторомъ, миссіонеромъ. Все зависѣло отъ того, что первоначально займетъ его умъ и что вызоветъ его страсть.

Обыкновенно удивляются, какимъ образомъ въ такомъ захолустьѣ, среди людей промышленныхъ, но невѣжественныхъ, между которыми не могло быть и рѣчи о наукѣ, могъ явиться юноша съ такими жаркими къ ней стремленіями. Конечно, *первые вопросы о наукѣ возбудили въ немъ не люди, а сама*

природа. Съ пылкимъ воображеніемъ, свободно развиваясь посреди разныхъ явленій сѣверной природы, такой *пытливый умъ,* какой былъ у Ломоносова, не могъ не останавливаться на нихъ съ обыкновенными вопросами: отчего это, откуда то. Не находя себѣ отвѣтовъ, всякій другой умъ успокоился бы на какихъ-нибудь суевѣрныхъ объясненіяхъ; но Ломоносова они уже не могли удовлетворить; у него къ прежнимъ вопросамъ только присоединялись новые.

Когда же онъ узналъ, что кромѣ церковныхъ книгъ есть еще другія, гдѣ говорится о разныхъ мудростяхъ, когда онъ узналъ, что великій Петръ заводилъ школы, гдѣ обучаютъ этимъ мудростямъ, тогда его стремленіе къ природѣ опредѣлилось яснѣе, перейдя въ стремленіе къ наукѣ, и обратилось въ неудержимую ничѣмъ страсть.

Что его юную душу дѣйствительно тревожили разные вопросы, доказательствомъ этому можетъ служить переходъ его въ расколъ, гдѣ онъ думалъ найти то, чего не могла дать собственная его среда. Понятно, что раскольничьи религіозные толки не могли удовлетворить его, и онъ поспѣшилъ оставить своихъ учителей.

Но напрасные поиски истинныхъ познаній не охладили его. Оставались еще книги, по которымъ учились въ московскихъ школахъ и которыя попались ему въ руки: грамматика Мелетія Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго были первыми вратами его учености, какъ онъ самъ выразился впослѣдствіи. По нимъ онъ могъ только убѣдиться, что наука дѣло мудреное и не легкое, и не смотря на то, страсть къ ученію въ немъ все болѣе усиливалась.

Съ этимъ вмѣстѣ начинается и *борьба его для науки.* Очень естественно, что никто не могъ понять его страсти. Разбирая книги и удаляясь отъ домашнихъ работъ, онъ долженъ былъ прослыть за нерадиваго, безпечнаго и лѣниваго работника. Эти качества всего болѣе замѣтны были его мачихѣ, какъ хозяйкѣ дома, которая въ правѣ была требовать отъ члена семьи участія въ домашнихъ трудахъ. Она враждебно отнеслась къ его книжнымъ занятіямъ и, не видя въ нихъ никакого добра, вооружала противъ нихъ и своего мужа.

Семейный раздоръ не смутилъ Ломоносова, а только обнаружилъ въ немъ сильный характеръ съ тѣми чертами, которыя отличаютъ поморца. Рѣшимость, смѣлость, находчи-

вость помогаютъ въ немъ развиться мысли бросить отцовскій домъ и итти въ Москву учиться.

Незнаніе дороги, недостатокъ средствъ для пропитанія, зимнее время, трескучіе морозы — ничто не затрудняетъ его.

И вотъ онъ уже въ Москвѣ среди рыбныхъ обозовъ, къ которымъ присталъ на дорогѣ, а черезъ нѣсколько времени шестнадцатилѣтній юноша сидитъ на одной школьной скамьѣ съ малыми ребятами въ московской академіи. Изъ жажды къ ученью онъ ни передъ чѣмъ не останавливается, прибѣгаетъ даже къ самозванству, назвавъ себя поповскимъ сыномъ, такъ какъ классы академіи оказались недоступными для крестьянскихъ дѣтей. Какую внутреннюю борьбу долженъ былъ здѣсь вынести Ломоносовъ, это онъ самъ вѣрно описалъ немногими словами:

„Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти неопродолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ *) въ день жалованія, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку **) хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали, съ другой стороны школьники, малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться“.

Не смотря на всѣ лишенія и тяжести, Ломоносовъ чувствовалъ, что попалъ въ свою сферу, отъ которой ничто не могло отвратить его. Жадно принялся онъ не только за школьное ученье, но и за чтеніе книгъ, какія могла дать ему академическая библіотека. Но нельзя сказать, что духъ его здѣсь совершенно успокоился, хотя онъ и дѣлалъ быстрые успѣхи, обгоняя своихъ товарищей и удивляя своихъ учителей. Его ясный умъ не удовлетворялся одной схоластикой: она не давала ему отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые сама природа возбуждала въ немъ чуть не въ дѣтствѣ.

*) Алтынъ—три копейки.

**) Денежка — самая мелкая монета — ½ коп.

Онъ искалъ книгъ, говорящихъ объ этой природѣ и объ ея законахъ; но такія книги, кромѣ нелѣпыхъ средневѣковыхъ космографій и бестіаріевъ, рѣдко заходили въ академію.

Неудовлетворенный тѣмъ, что она давала, юноша просится на нѣкоторое время въ Кіевскую академію въ надеждѣ тамъ найти больше; но и тамъ все то же. Онъ спѣшитъ возвратиться въ Москву, и вдругъ здѣсь совершенно случайно и неожиданно попадаетъ на ту тропу, которую уже давно искалъ. Въ числѣ лучшихъ учениковъ его берутъ для изученія естественныхъ наукъ въ Петербургскую академію, гдѣ академики по уставу Петра обязаны были заниматься образованіемъ русскаго юношества. Здѣсь Ломоносовъ если и не нашелъ прилежныхъ профессоровъ, которые бы занялись имъ, за то нашелъ книги, которыя могли удовлетворить его стремленіямъ.

Новый случай помогъ ему еще болѣе. Потребовалось послать за границу нѣсколько молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла, которое было у насъ еще въ младенчествѣ, не смотря на обиліе рудъ, открываемыхъ въ горахъ. Въ числѣ троихъ избранныхъ былъ и Ломоносовъ, какъ самый способный. Академія поручила ихъ надзору знаменитаго въ то время марбургскаго профессора философіи и математики Вольфа. Въ концѣ 1736 года русскіе студенты начали свой курсъ въ Марбургѣ. Здѣсь страстная натура Ломоносова не могла удержаться отъ увлеченій разгульной жизни, которою въ то время отличалось нѣмецкое студенчество. Но и при этомъ наука не была забыта: Ломоносовъ находилъ время для того и для другого, между тѣмъ какъ его товарищи, неумѣренно пользуясь развлеченіями, обращали на себя вниманіе только однимъ буйствомъ.

Занимаясь математикой, физикой, химіей, Ломоносовъ находитъ время исполнять и другія предписанія академической инструкціи, по которой русскіе студенты должны были изучать языки нѣмецкій, французскій, совершенствоваться въ латинскомъ и упражняться въ русскомъ. Въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ академіи Ломоносовъ представлялъ въ томъ и дѣйствительныя доказательства. Такъ, въ 1740 году академія получила отъ него разсужденіе о новой теоріи русскаго стиха вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина, которая блистательно доказывала, что русскій студентъ самостоятельно занимается рус-

скимъ языкомъ и прилежно изучаетъ нѣмецкую поэзію. Это же доказываетъ, что умъ Ломоносова не могъ ограничиться какою-нибудь одною спеціальностью. Онъ искалъ себѣ широкой дѣятельности во всемъ, въ чемъ проявляла себя европейская цивилизація. Изучая нѣмецкій языкъ и знакомясь съ нѣмецкой литературою, Ломоносовъ особенно остановился на стихахъ Гюнтера, который считался лучшимъ германскимъ поэтомъ. Въ то время господствующей формою была ода, какъ выраженіе сильныхъ чувствъ въ связи съ какимъ-либо дѣйствительнымъ фактомъ. Она развилась изъ подражанія греческому поэту Пиндару, восхвалявшему побѣдителей на играхъ въ честь разныхъ божествъ классическаго міра. Подражаніе и сюда, какъ во всѣ произведенія того времени, внесло ложь: поэты, слѣдуя своимъ классическимъ образцамъ, продолжали выводить миѳологическіе образы, потерявшіе свой прежній смыслъ, пристрастились къ гиперболическимъ изображеніямъ героизма, ставившимъ личности въ неестественныя отношенія ко всему окружающему, составили себѣ одностороннее понятіе о поэтическомъ воспѣваніи, которое будто бы требовало высокаго паренія духа. Отсюда явились разныя мелочныя правила для высокаго слога, которыя обращали поэзію въ риторическія упражненія. Крайняя искусственность, неестественность, натянутая идеализація, напыщенность сдѣлались какъ бы принадлежностью оды. Умѣнье обработать слогъ по извѣстнымъ правиламъ въ звучномъ стихѣ и согласно съ требованіями тогдашняго вкуса доставляло имя поэту, который и ставился въ образецъ другимъ начинающимъ. Такимъ образцовымъ поэтомъ у французовъ считался Буало. Въ такіе же образцы у нѣмцевъ попалъ Гюнтеръ, начавшій свои стихотворныя упражненія подражаніемъ первому.

Вѣсть о побѣдѣ русскихъ войскъ надъ турками, тогда все еще страшными для Европы, вѣсть о взятіи турецкой крѣпости Хотинъ въ 1739 году достигла въ Марбургъ до Ломоносова и пробудила въ немъ патріотическое чувство: оно въ скоромъ времени обратилось у него въ страсть, которая и дала направленіе всей его дѣятельности. Имѣя въ виду оды Гюнтера, Ломоносовъ сложилъ оду во славу русскаго оружія. Въ ней правды только самый фактъ побѣды русскихъ и патріотизмъ автора, все же прочее — ложь, основанная на теоріи.

Не смотря на всю искусственность этой оды, не смотря на

ся многія неясныя мѣста, которыя говорятъ о трудной борьбѣ автора съ языкомъ, она все же имѣла въ свое время важное значеніе. *Она окончательно разрѣшала вопросъ о русскомъ стихосложеніи, надъ которымъ уже трудились Кантемиръ и Тредьяковскій.* Послѣдній еще въ 1735 году теоретически доказывалъ, что русскій стихъ долженъ усвоить себѣ размѣръ по удареніямъ, который онъ и назвалъ *тоническимъ;* но на практикѣ онъ не могъ доказать этого удачными примѣрами: собственные стихи его выходили слишкомъ тяжелы и неуклюжи. Ломоносовъ пріучилъ свое ухо къ нѣмецкимъ стихамъ, также тоническимъ, и оправдалъ теорію Тредьяковскаго. По стиху Ломоносова легко было убѣдиться въ громадной разницѣ между новымъ и старымъ (силлабическимъ) размѣромъ. Музыкальность перваго была доступна уху каждаго, если бы онъ даже и не понималъ смысла оды. Доказательство было такъ ясно, что съ этого времени силлабическій стихъ пропадаетъ въ нашей литературѣ.

Другое важное достоинство той же оды Ломоносова — *очищеніе русскаго литературнаго языка отъ излишнихъ церковно-славянскихъ формъ,* которыя до того времени у насъ смѣшивались съ русскими. Ломоносовъ удержалъ только нѣкоторыя причастныя формы церковно-славянскія, дѣлая при томъ и осторожный выборъ самыхъ словъ изъ прежняго литературнаго языка, переполненнаго славянизмами и разными чужеземными словами.

Все это доказываетъ, что Ломоносовъ не шутя принимался за дѣло, не какъ за развлеченіе на досугѣ, а серьезно смотрѣлъ на него, вдумываясь въ потребности новаго времени.

Изъ Марбурга Ломоносовъ переѣхалъ въ Фрейбергъ для металлургіи и горнаго дѣла, а для практическихъ занятій ѣздилъ въ Гарцъ, гдѣ посѣщалъ горные заводы и рудники. Ученыя его занятія подвигались впередъ, а борьба его для науки все еще не окончилась. Въ началѣ 1741 года онъ увидѣлъ себя въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Петербургская академія наукъ съ самаго начала была крайне неисправна въ высылкѣ денегъ на содержаніе и ученіе русскихъ студентовъ. Черезъ это они привыкали жить безразсчетно, въ долгъ, расплачиваясь тогда, когда получали свое жалованье. Дѣло кое-какъ шло, пока Ломоносовъ былъ въ Марбургѣ подъ надзоромъ Вольфа; когда же перешелъ къ другимъ профессорамъ

въ Фрейбергъ и Гарцъ, то тѣ спокойно отсчитывали себѣ полныя суммы изъ того, что присылала академія, не думая, много ли останется тѣмъ, за кого они получали. Остатки были самые ничтожные, а Ломоносовъ, увлекшись страстью, женился и имѣлъ уже дочь; на содержаніе семьи потребовалось расходовъ значительно болѣе прежняго; долги возрастали, платить ихъ было нечѣмъ; заимодавцы грозили тюрьмою. И вотъ, не простившись съ женою, онъ бѣжитъ отъ своихъ заимодавцевъ по направленію къ Голландіи, чтобы оттуда моремъ переплыть въ Петербургъ. Но изъ одной бѣды вдругъ неожиданно онъ попадаетъ въ другую, едва ли не худшую. На дорогѣ близъ Дюссельдорфа прусскіе вербовщики, замѣтивъ въ немъ молодого, рослаго и статнаго человѣка, годнаго для прусскихъ военныхъ парадовъ, рѣшились изъ усердія къ королю завербовать его въ рекруты, что обманомъ имъ и удалось. Ломоносовъ очутился прусскимъ солдатомъ въ крѣпости Везель. Теперь у него уже явился вопросъ о жизни и смерти, и онъ бѣжитъ, преслѣдуемый погонею.

Такимъ образомъ кончились странствія Ломоносова, кончилась и борьба его для науки. Онъ овладѣлъ ею и явился на судъ академіи. Хотя она и была недовольна преждевременнымъ его возвращеніемъ, однако по испытаніи убѣдилась, что не напрасно даны ему похвальные аттестаты отъ заграничныхъ профессоровъ. Ломоносовъ былъ принятъ на службу въ академію съ званіемъ адъюнкта. Здѣсь начинается новая борьба его уже за науку.

Тридцать лѣтъ было ему, когда онъ явился для самостоятельной дѣятельности, но за то явился съ огромнымъ запасомъ силъ, съ закаленнымъ характеромъ, съ страстнымъ желаніемъ служить интересамъ русской жизни. Въ важный моментъ русской исторіи попалъ Ломоносовъ въ Петербургъ. Русскіе торжествовали свою политическую побѣду надъ горстью нѣмцевъ, завладѣвшихъ правительственною силою. Рѣдко бывалъ такъ возбужденъ патріотизмъ, какъ въ то время, когда на русскій престолъ вступила дочь Петра, Елизавета. Никогда и ненависть къ иностранцамъ не выражалась такъ рѣзко, какъ въ эту эпоху, когда даже проповѣдники въ церквахъ предавали проклятію поименно всѣхъ тѣхъ, которые составляли правительство предшествовавшихъ царствованій. Теперь на высшихъ ступеняхъ государственной службы яви-

лись русскіе люди, возвышенные изъ разныхъ сословій. Хотя у всѣхъ ихъ было много недостатковъ, но всѣ они понимали русскіе интересы, не вдаваясь и въ исключительную національность. Для нихъ былъ святъ завѣтъ Петра, что Русская земля должна быть страною европейскою.

Любовь къ отечеству и ясное сознаніе того, что безъ науки Россіи нѣтъ развитія, нѣтъ ни силы, ни славы, ни жизни, легли въ основаніе дѣятельности Ломоносова; а собственныя громадныя его силы сдѣлали его гигантомъ своего вѣка. Хотя онъ и съ любовью занимался естественными науками, преимущественно химіей и физикой, но его нельзя разсматривать только какъ спеціалиста въ томъ или другомъ дѣлѣ. Труды его нельзя дробить на отдѣльныя спеціальности и въ каждой изъ нихъ изучать его то какъ ученаго, то какъ поэта, то какъ оратора и пр. Съ такой узкой мѣркой нельзя подступать къ нему, чтобы вѣрно оцѣнить его; съ нею можетъ намъ показаться слава его незаслуженною и подвиги его преувеличенными.

Въ самомъ дѣлѣ, по нашимъ понятіямъ объ истинной поэзіи онъ въ своихъ искусственныхъ стихахъ не можетъ назваться великимъ поэтомъ, или въ своихъ риторическихъ похвальныхъ рѣчахъ великимъ ораторомъ; ученые труды его хотя и представляютъ нѣкоторые новые взгляды и даже новыя открытія, но они не столь важны въ наукѣ, чтобы въ исторіи поставить его наравнѣ съ геніальными учеными, которые открывали новые способы для научныхъ изслѣдованій или создавали новыя системы, расширяя путь науки.

Ограничившись этими отдѣльными сферами, мы не поймемъ Ломоносова и съ сомнѣніемъ отнесемся къ вопросу: въ чемъ же выказались его громадныя силы и чѣмъ же такъ прочна его слава? Дѣло въ томъ, что *онъ представляется намъ великимъ только въ совокупности всѣхъ своихъ трудовъ въ связи съ своею жизнію и тою идеею, съ которой онъ вездѣ являлся, не дробясь по частямъ.* Идея эта — благоденствіе и счастіе русскаго народа. И то и другое находятся въ тѣсной связи съ довольствомъ, источникъ котораго заключается въ самыхъ нѣдрахъ Русской земли; много богатствъ скрывается въ ней; нужно только умѣть извлечь ихъ оттуда; а это сдѣлать можетъ только наука; она должна приложить свои силы къ землѣ и къ народу, обогатить и просвѣтить

ихъ и дать прочное основаніе общему счастію. *Дѣло истиннаго патріота—приводить въ общественное сознаніе необходимость и пользу науки, опредѣляя направленіе трудовъ, которые предстоятъ наукѣ въ русской сферѣ, расширять ей путь, устраняя условія, неблагопріятныя для ея развитія, приготовлять русскихъ способныхъ дѣятелей для этого поприща.* Вотъ за какое дѣло взялся Ломоносовъ, явившись заразъ и ученымъ, и ораторомъ, и стихотворцемъ, и учителемъ, и даже фабрикантомъ. Литературное поприще представилось ему самымъ доступнымъ и надежнымъ для человѣка съ его силами и въ его положеніи, и онъ выбираетъ то поприще какъ средство для достиженія своей великой цѣли. Не будучи поэтомъ, онъ берется за стихи, потому что эта форма рѣчи была привлекательнѣе для тѣхъ, на убѣжденіе которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, и у него достало силы, чтобы не только примѣнить къ русскому дѣлу выработанную въ Европѣ теорію поэзіи, но и надолго прослыть великимъ поэтомъ, сдѣлавшись на полстолѣтія образцомъ для другихъ стихотворцевъ. Но самъ онъ не прельщался славою поэта и смотрѣлъ на поэзію не какъ на цѣль, а какъ на средство для достиженія высшихъ интересовъ жизни. Каждою литературною формою онъ занимался какъ бы мимоходомъ, насколько было нужно для его главнаго дѣла. Онъ взялъ оду, потому что она была выработана въ европейской литературѣ и изъ всѣхъ стихотворныхъ формъ оказалась для него самою удобною. Здѣсь онъ могъ идеально представлять тѣ лица, въ рукахъ которыхъ была власть и отъ воли которыхъ много зависѣла участь народа и судьба науки.

Съ перваго взгляда его похвалы монархамъ легко могутъ показаться лестью, но это не та наглая лесть, которая пороки и дурныя страсти силится обратить въ добродѣтели.

Лесть Ломоносова есть не что иное, какъ литературный пріемъ, который вытекалъ изъ отношенія тогдашняго писателя къ властямъ.

Онъ не могъ прямо указывать на ихъ недостатки, не могъ давать имъ совѣты иначе, какъ признавая за ними тѣ качества и намѣренія, которыя желалось видѣть въ нихъ. Онъ хотѣлъ, такъ сказать, вызвать въ нихъ достойныя качества и тѣмъ направить ихъ силу къ народному благу.

Желаемое онъ представлялъ въ дѣйствительности, въ настоящемъ. Иначе писателю невозможно было и дѣйствовать тамъ, гдѣ всѣ силы народа сосредоточивались въ одномъ лицѣ и гдѣ направлять ихъ можно было только черезъ это лицо. Отсюда развивается и особое направленіе въ литературѣ, которая обращается не къ народу, не къ обществу, а къ извѣстной личности, развиваетъ не идеалъ общечеловѣческій, а идеалъ монарха, указывая ему на его настоящее назначеніе и цѣли.

Не смотря на всю искусственность одъ Ломоносова, которая объясняется тогдашнею теоріей, въ рѣдкой изъ нихъ мы не найдемъ *мысли о благѣ и счастіи народа или указанія на условія, безъ которыхъ они развиться не могутъ*. Вотъ отчего *щедрость* или *щедроты* и *доброта* являются самою важною чертою въ идеалѣ Ломоносова. Тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли одного, эти качества дѣйствительно очень важны для примѣненія науки къ народной жизни и для поощренія полезныхъ трудовъ:

Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней, (*Елизаветѣ*)
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти я твоей.
Твои любезныя доброты
Влекутъ ко мнѣ мои щедроты...
Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить (*ода 2*).

Тотъ же мотоивъ повторяется и въ другихъ его одахъ.

Съ именемъ наслѣдника престола Петра Θеодоровича Ломоносовъ вездѣ соединяетъ желаніе видѣть въ немъ развитіе тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя нужны для блага народа.

Премудрость сядетъ въ судъ съ тобою,
Изгонитъ лесть и кровь съ хулою,
И *мужество* твои чресла
Скрѣпитъ *для общей нашей чести,*
Защититъ насъ въ противныхъ мести,
Дабы исторгнуть корень зла (*ода 4*).

Полагая въ основаніе народнаго благоденствія просвѣщеніе, понятно, *Ломоносовъ не могъ особенно восхвалять военные подвиги,* которыми въ старыя времена пріобрѣталась героическая слава. Онъ оправдываетъ войну только для защиты отъ нападеній непріятеля и для возстановленія нарушеннаго спокойствія. *Миръ, по его взгляду, способствуетъ развитію науки и вмѣстѣ народнаго довольства; отсюда заботы о мирѣ ставитъ онъ монархамъ въ особенную похвалу.* Но между тѣмъ прежнія побѣды русскихъ являются ему залогомъ силы и могущества Россіи и служатъ какъ бы опорою его патріотической надеждѣ на счастливое будущее русскаго народа. Такъ у него олицетворенный Союзъ народовъ говоритъ Войнѣ:

Мечи твои и копья вредны
Я въ *плуги и серпы* скую:
Пребудутъ всѣ *поля безбѣдны,*
Отвергнувъ люту власть твою:
На мѣстѣ брани и раздора
Цвѣты свои разсыплетъ Флора... (*ода 2*).

Представляя новорожденному великому князю Павлу въ примѣръ прежнихъ монарховъ, въ особенности же Петра Великаго, Ломоносовъ прибавляетъ:

Примѣръ въ его великой дщери (*Елизаветѣ*).
Широко та отверзла двери
Наукамъ, счастью, тишинѣ,
Склоняясь къ общему покою,
Щедротой больше какъ грозою
Въ Россійской царствуетъ странѣ (*ода 12*).

Въ прусскую войну Ломоносовъ встрѣчаетъ извѣстіе о побѣдѣ русскихъ войскъ надъ прусскими слѣдующими стихами:

О Боже, *мира* Богъ возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой дщери,
Военны запечатай двери,
Питай насъ тишиной своей (*ода 15*).

Всѣ эти стихи ясно показываютъ, что мысль Ломоносова всегда была направлена къ русскому народу и что *науку онъ понималъ какъ основаніе новой цивилизаціи, изъ которой должно вытекать общенародное довольство и счастіе.* Этимъ

онъ какъ бы указывалъ, какое направленіе долженъ принять настоящій патріотизмъ русскихъ людей.

Императрица Елизавета возбуждала въ Ломоносовѣ, какъ въ патріотѣ, искренніе чувства, такъ какъ своимъ восшествіемъ на престолъ она выразила торжество русской силы надъ иноземною и вызвала общій патріотизмъ. Здѣсь Ломоносовъ тѣсно связывается съ своимъ вѣкомъ и представляетъ общее его настроеніе. Вотъ отчего изъ *девятнадцати* похвальныхъ его одъ *семь* соединяются съ днемъ восшествія на престолъ и коронаціи Елизаветы и *три* съ днемъ ея рожденія и тезоименитства.

Оды Ломоносова сопровождались разными громкими постановленіями и учрежденіями на общую пользу: уничтоженіе смертной казни, основаніе московскаго университета и академіи художествъ, снаряженіе ученыхъ экспедицій при Елизаветѣ; первые годы царствованія Екатерины II были какъ бы отвѣтомъ на его требованія. Она дѣйствовала въ духѣ того идеала, который развивалъ онъ: она умѣла находить и дѣятелей, согласныхъ съ ея стремленіями. Она хотѣла продолжать царствованіе Петра Великаго и въ этомъ полагала свою славу. Ломоносовъ считалъ патріотическою задачею русскаго монарха *развивать то, что Петръ положилъ въ основаніе русской жизни.*

Въ его глазахъ *Петръ Великій сдѣлался русской святыней, тѣмъ богатыремъ, въ которомъ соединились громадныя русскія силы, направленныя къ одной цѣли—славѣ, счастію и благоденствію всего народа.*

Петръ Великій какъ бы не умиралъ въ воображеніи Ломоносова, который постоянно видѣлъ передъ глазами гигантскій его образъ, и этотъ образъ приняло все русское общество и иначе не представляло его, какъ въ томъ видѣ, въ какомъ изображалъ Ломоносовъ. Этотъ образъ оно передало и слѣдующимъ поколѣніямъ, которыя узнавали о Петрѣ не по исторіи, еще не коснувшейся его, а по художественному представленію русскаго патріотическаго духа. Выраженіемъ «дщерь Петра», «внукъ или внука Петра» Ломоносовъ хотѣлъ представить близкое родство не только по плоти, но и по духу, чтобы тѣмъ вдохновить его потомковъ.

Въ рѣдкомъ изъ произведеній Ломоносова мы не встрѣтимъ рѣчи о Петрѣ Великомъ; о чемъ бы ни заговорилъ

онъ, все сводилось къ этому образу; въ немъ онъ видѣлъ начало всему; *его имя послужило какъ бы знаменемъ русскаго просвѣщенія, знаменемъ, около котораго Ломоносовъ хотѣлъ собрать всѣ русскія живыя силы и итти съ ними впередъ противъ враговъ его.* И мы должны сказать, что онъ дѣйствительно является достойнымъ знаменоносцемъ Петра Великаго; онъ сильною рукою поднялъ это знамя, которое называлось русскимъ знаменемъ, и вокругъ него сгруппировались лучшіе русскіе люди-патріоты на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Вотъ въ чемъ заключается геніальный подвигъ Ломоносова — онъ не потерялъ для насъ живого значенія и въ настоящее время.

Признавъ за наукою цивилизующую силу, Ломоносовъ ясно понималъ, какіе были существенные вопросы его времени. Мы уже знаемъ, какъ самое огромное большинство общества относилось къ наукѣ, держась еще прежнихъ на нее взглядовъ. Нужно было безпрестанно, при каждомъ случаѣ доказывать ему *пользу науки въ жизни, убѣждать его такъ, чтобы оно измѣнило свои суевѣрныя отношенія къ ней.* И Ломоносовъ постоянно ставилъ этотъ вопросъ на первый планъ. Вотъ отчего онъ предпочитаетъ для своихъ ученыхъ статей форму рѣчи или ораторскаго слова. Онъ пользуется только обстоятельствами, которыя давали ему средства дѣйствовать на умы въ пользу науки. Кругъ читающей публики былъ у насъ еще такъ ничтоженъ, что нельзя было довольствоваться печатью съ желаніемъ распространять тѣ или другія идеи. Въ Академіи наукъ былъ обычай устраивать въ царскіе дни торжественныя собранія и приглашать на нихъ публику. Для этого приготовлялись академиками ученыя рѣчи, между которыми замѣчательными, конечно, были рѣчи Ломоносова. Излагая свои научныя изслѣдованія, онъ въ то же время не упускалъ случая доказывать пользу наукъ, соединяя ихъ съ патріотическими цѣлями и каждый разъ восхваляя Петра Великаго.

Таковы его «Слова» о пользѣ химіи, о явленіяхъ воздушныхъ, о происхожденіи свѣта, о рожденіи металловъ и, наконецъ, два похвальныхъ слова — Петру Первому и Елизаветѣ Петровнѣ, которыя отличаются тою же крайнею искусственностью, какъ и его оды, но въ которыхъ выражаются *тѣ же самыя патріотическія стремленія и цѣли.*

Масса публики была въ то время такъ мало развита умственно, что привлечь ее къ серьезному труду было невозможно, не указавъ на удовольствіе, которое изъ него вытекаетъ. Отсюда является и особый способъ доказательствъ, усвоенный Ломоносовымъ и другими литературными дѣятелями того времени. Нужно было соединять *пользу съ удовольствіемъ, съ пріятностью, убѣждать, что научный трудъ приноситъ не только пользу, но и увеселеніе.* Такимъ образомъ подбирались доказательства двухъ родовъ, выбиралась и литературная форма, болѣе пріятная, легкая и доступная большинству. Такъ, Тредьяковскій писалъ разсужденіе о русской ороографіи въ формѣ разговора между русскимъ и иностраннымъ человѣкомъ, пересыпая его разными шуточками, неидущими къ дѣлу; Ломоносовъ доказывалъ пользу стекла въ стихотворной эпической формѣ; извѣстный академикъ Миллеръ издавалъ съ 1755 года первый русскій журналъ подъ названіемъ «Ежемѣсячныя сочиненія, *къ пользѣ и увеселенію* служащія». То же самое встрѣчаемъ мы и во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

Другой важный вопросъ того времени былъ вопросъ *объ отношеніи науки къ вѣрѣ.* Нужно было убѣждать массу, что наука не враждебна религіи, не источникъ раскола и ересей, согласно со взглядомъ старины. Этого вопроса касались уже Ѳеофанъ Прокоповичъ и Кантемиръ; его же постоянно имѣлъ въ виду и Ломоносовъ. Онъ вѣрно угадалъ, что въ своихъ стремленіяхъ ему лучше всего дѣйствовать на религіозное чувство русскихъ и въ связи съ чувствомъ патріотическимъ дать ему должное направленіе, слить съ прежней цивилизующей силой новую, указавъ имъ на одну и ту же цѣль. Уже изъ приведенныхъ нами стихотвореній видно, какъ онъ соединяетъ съ божескою силою все лучшее, что ему хочется вызвать въ русской жизни; свои идеалы онъ переводитъ въ сферу божественную и этимъ опредѣляетъ героизмъ ихъ. Собственное его религіозное чувство выразилось въ одиннадцати «духовныхъ одахъ», изъ нихъ первыя восемь составляютъ переложеніе псалмовъ, девятая — подражаніе Іову и двѣ оригинальныя — «Утреннее и Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ». Въ послѣдней онъ касается связи науки съ религіей. Этому же вопросу посвящается цѣлое разсужденіе въ прибавленіи къ статьѣ «Явленіе Венеры на солн-

цѣ». Имѣя въ виду, какихъ людей нужно убѣждать, онъ выбираетъ доказательства изъ священнаго писанія и святыхъ отцовъ и выводитъ, что наука и религія — дружныя родныя сестры.

Заботясь прежде всего о жизни, Ломоносовъ и въ наукѣ искалъ преимущественно практическихъ цѣлей — примѣненія ихъ къ жизни. Въ этомъ случаѣ *естественныя науки* особенно соотвѣтствовали стремленіямъ его практическаго ума, изслѣдуя законы природы, которыми человѣкъ можетъ пользоваться для удовлетворенія своихъ нуждъ. Онъ понималъ, что изученіе природы ставитъ человѣка въ болѣе правильныя къ ней отношенія и уничтожаетъ въ немъ тѣ суевѣрія и предразсудки, которые разрушительно дѣйствуютъ на его жизнь. Многостороннія его научныя познанія дали ему возможность провѣрить условія всей русской жизни и указать, которыя изъ нихъ неблагопріятны для достиженія довольства, благосостоянія и счастія: онъ вникаетъ въ жизнь крестьянина, купца, ремесленника, солдата, священника, монаха, разсматриваетъ неблагопріятную обстановку ея, неправильное отношеніе къ нимъ властей, совѣтуетъ держаться кротости и льготъ въ ихъ управленіи; словомъ, и здѣсь руководитъ имъ одна и та же основная идея — общая польза.

Но нельзя сказать, что только однѣ естественныя науки привлекали къ себѣ трудъ его. Стремленіе *убѣждать* русскихъ людей въ пользѣ науки и въ цивилизующей ея силѣ вызвало Ломоносова и на ученые труды другого рода. Нужно было позаботиться о тѣхъ способахъ и средствахъ, которыми только и можно убѣждать: *языкъ и умѣнье имъ пользоваться, логическое развитіе мысли, распредѣленіе доказательствъ, литературные пріемы и формы* — все это нужно было или изслѣдовать, или примѣнить къ русской рѣчи, чтобы дѣйствовать сильнѣе и вѣрнѣе на русскіе умы. Разъяснить литературно-теоретическіе вопросы было также неизбѣжной потребностью того времени, безъ чего новая литература не могла достигать своей главной цѣли.

Желая направить русскія силы на науку, Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе *въ академическомъ преподаваніи,* которое безъ него было въ самомъ жалкомъ положеніи. Онъ приготовилъ нѣсколькихъ хорошихъ профессоровъ для

московскаго университета. Главный основатель этого высшаго училища, И. И. Шуваловъ, много поддерживалъ Ломоносова въ его борьбѣ и трудахъ, и Ломоносовъ нисколько не затруднялся называть его меценатомъ. Хотя въ сущности меценатство и оскорбительно для достоинства трудящихся въ области науки и искусства, потому что ставитъ человѣка въ неестественныя отношенія къ собственному его труду, къ свободной его оцѣнкѣ, къ богатству и силѣ другихъ; но изъ многихъ писемъ Ломоносова къ Шувалову (Ист. хр. Гал.) мы можемъ заключить, что нашъ писатель не поддался этимъ отношеніямъ во вредъ своему нравственному достоинству. Какъ къ своимъ врагамъ, такъ къ покровителямъ и друзьямъ онъ относился съ одинаковой гордостью и самоуваженіемъ. «Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей,—писалъ онъ,—дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ».

Совершенно безукоризненною и свѣтлою представлялась бы намъ великая личность Ломоносова, если бы не одинъ *порокъ*, который и свелъ его въ могилу. Впрочемъ, этотъ порокъ въ прошедшемъ столѣтіи считался только слабостью и былъ распространенъ во всѣхъ слояхъ общества, то — неумѣренная страсть къ вину. Она давала его врагамъ поводъ чернить и осуждать его, иногда давала имъ перевѣсъ въ борьбѣ и минутное торжество надъ нимъ. Но и эта страсть вытекала изъ его страстной натуры, а безъ нея не было бы у насъ и Ломоносова. Вотъ чѣмъ мы можемъ смягчить впечатлѣніе, производимое причиною его смерти. Онъ умеръ въ 1765-мъ году, въ то время, когда уже новое поколѣніе русскихъ дѣятелей выступало на сцену, воспитанное его вліяніемъ и его духомъ. Заслуги его уже могли оцѣнить русскіе люди.

В. Стоюнинъ.

Ломоносовъ, какъ ученый.

(Современники цѣнили Ломоносова почти исключительно какъ поэта и оратора. — Новая наука о Л. какъ ученомъ. — Двѣ цѣли, какія онъ себѣ ставилъ въ своей дѣятельности. — Характеристика его ума. — Постепенность развитія научно-лит. дѣят. Л. — Способы полемики Ломоносова съ врагами естественныхъ наукъ. — Вопросъ о множествѣ міровъ. — Синодъ и Ломоносовъ — Вліяніе Вольфа на Л. — Филологическіе труды. Л. — Примѣненіе аналитическаго метода. — Л. имѣлъ понятіе о нѣкоторыхъ элементахъ индо-европейской группы языковъ, отличалъ древне-русскій яз. отъ церковно-славянскаго. Теорія прозы и поэзіи).

Когда, въ 1765 году, Ломоносовъ сошелъ въ могилу, даже самые образованные люди изъ русскихъ его современниковъ видѣли въ немъ *почти исключительно поэта и оратора.*

Ученое образованіе такъ было ничтожно въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, что никто не былъ въ состояніи оцѣнить его труды въ области *естествовѣдѣнія и филологіи,* и даже къ его «Россійской исторіи» относились съ интересомъ не научнымъ, а только художественнымъ: императрица Елизавета, высказавшая желаніе видѣть россійскую исторію, *его штилемъ написанную,* вѣрно выразила мысль вѣка.

Въ обществѣ существовало только смутное сознаніе, что среди его прошелъ *великій геній, воплотившій въ себѣ могучія духовныя силы русскаго народа.* И въ послѣдующее время медленно развивалось это сознаніе: между тѣмъ какъ художественная русская литература охотно вела свое преданіе отъ образцовъ, завѣщанныхъ Ломоносовымъ, наука русская сошла съ пути, который ей указанъ былъ ея основателемъ; многія научныя идеи, высказанныя Ломоносовымъ, не получили дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія въ трудахъ русскихъ ученыхъ и затѣмъ явились къ намъ, какъ бы впервые заявленныя, въ произведеніяхъ западной ученой литературы. Только около второй четверти прошлаго столѣтія начинается у насъ серьезная оцѣнка ученыхъ трудовъ Ломоносова, и только празднованіе Ломоносовскаго юбилея въ 1865 году, снова обративъ вниманіе общества на личность великаго двигателя русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ и послуживъ поводомъ къ изданію различныхъ хранившихся въ архивахъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, вызвало рядъ спеціальныхъ разсужденій о разныхъ отрасляхъ его дѣятельно-

сти, въ томъ числѣ и научной. Авторы этихъ разсужденій, единодушно высказывая *удивленіе къ поразительной проницательности Ломоносова въ вопросахъ науки* и свидѣтельствуя, что *его ученыя наблюденія и догадки понынѣ сохраняютъ свою свѣжесть и находятъ себѣ оправданіе въ дальнѣйшихъ успѣхахъ науки,*— тѣмъ самымъ платятъ поздній долгъ признательности, которою наше ученое образованіе оставалось обязаннымъ своему основателю.

Но понятно, что вопросъ о научной дѣятельности Ломоносова не могъ быть вполнѣ исчерпанъ помянутыми разсужденіями какъ по самому свойству этихъ все-таки юбилейныхъ рѣчей, такъ и потому, что нѣкоторые важные матеріалы по обсуждавшемуся предмету не были доступны ораторамъ. И послѣ 1865 года дальнѣйшая разработка вопроса осталась впереди. С.-Петербургскій университетъ воспользовался юбилеемъ, чтобы предложить эту задачу своимъ студентамъ, какъ тему на соисканіе медалей. Книга г. Будиловича есть отвѣтъ на эту тему. Трудъ г. Будиловича есть плодъ занятій весьма усидчивыхъ, сочиненіе зрѣло обдуманное и прекрасно изложенное. Кромѣ общеизвѣстныхъ печатныхъ источниковъ, г. Будиловичъ воспользовался двумя фоліантами, составленными изъ черновыхъ бумагъ Ломоносова и хранящимися въ библіотекѣ Академіи наукъ, и разработкой этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ значительно подвинулъ раскрытіе характера ученыхъ трудовъ Ломоносова, самыхъ пріемовъ его изслѣдованія и главныхъ научныхъ вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ онъ стремился.

«Ежели Богъ велитъ, *покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ... Я самъ и не совершу, однако начну,— то будетъ другимъ послѣ меня легче сдѣлать».*

Такъ говорилъ Ломоносовъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ, найденной и впервые обнародованной г. Будиловичемъ. Мысль, высказанную въ приведенныхъ словахъ, г. Будиловичъ считаетъ именно за ту опредѣленную *цѣль, которая руководила Ломоносовымъ въ его безконечно разносторонней дѣятельности.*

Рядомъ же съ этою мыслью г. Будиловичъ ставитъ другую, также извлеченную изъ рукописей замѣтку Ломоносова и такъ же ясно выражающую его основное стремленіе: «*До-*

кажу, вопреки мнѣнію иныхъ заблуждающихся людей, что и сѣверъ богатъ дарованіями».

«Итакъ,— заключаетъ нашъ авторъ,— во-первыхъ, цѣлью Ломоносова было вызвать къ умственной дѣятельности прозябающія и еще не сознавшія себя народныя силы и, во-вторыхъ, показать, что Богъ

Межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами,

вызвать изъ устъ высокомѣрныхъ въ своемъ знаніи западныхъ народовъ невольное признаніе геніальности русскаго народа».

Такимъ образомъ, по самой сущности своей дѣятельности Ломоносовъ долженъ былъ быть полигисторомъ. Но эту-то широту его дѣятельности враги Ломоносова и обращали ему въ укоръ, называя его шарлатаномъ и безпутнымъ Діонисовымъ сынкомъ.

Г. Будиловичъ съ полной очевидностью опровергаетъ эту клевету; онъ очерчиваетъ кругъ дѣятельности Ломоносова во всемъ ея объемѣ, указываетъ на разнообразіе книгъ, которыя были въ его рукахъ,— отъ Монтескье до «Brandenburgisches Kochbuch»,— и даже приводитъ, изъ таблицы наблюденій его надъ маятникомъ, указанія на часы его ученыхъ работъ во всякую пору дня и ночи. Эти подробности *о неустанныхъ трудахъ Ломоносова* живописно дополняются простодушнымъ разсказомъ его племянницы о своемъ дядѣ: «*Бывала, сердечный мой, такъ зачитается да запишется, что цѣлую недѣлю не пьетъ, не ѣстъ ничего, кромѣ мартовскаго пива съ кускомъ хлѣба и масла».*

Но эта страсть Ломоносова къ наукѣ была бы только чудачествомъ, если-бы ей не соотвѣтствовали *огромные размѣры его дарованій.* Г. Будиловичъ дѣлаетъ мастерскую ихъ характеристику. То былъ «*умъ всегда равный себѣ, ясный и основательный, сосредоточенный и организующій, твердый и упругій, но достаточно тонкій для того, чтобы схватывать самыя отдаленныя аналогіи,— умъ, равно способный для механической изобрѣтательности и къ философскимъ обобщеніямъ, въ высокой степени оригинальный и независимый*». Развивая далѣе эту характеристику, г. Будиловичъ приводитъ, между прочимъ, замѣчательное изреченіе Ломоносова: «изъ наблюденій установлять теорію, черезъ теорію исправлять наблюденія—

есть лучшій всѣхъ способъ къ изысканію истины»; указываетъ далѣе на его возраженіе противъ крайняго эмпиризма въ наукѣ и наконецъ даетъ понятіе объ отношеніяхъ Ломоносова къ научнымъ авторитетамъ: онъ дорожилъ свободою сужденія въ области знанія, но въ то же время не былъ зараженъ *ни заносчивою самоувѣренностью, ни брюзгливымъ скептицизмомъ;* онъ требовалъ только, чтобы чужое принималось съ выборомъ и подвергалось критикѣ.

Въ общемъ ходѣ учено-литературной дѣятельности Ломоносова г. Будиловичъ признаетъ замѣтную постепенность развитія. Направленный измлада къ естественнымъ наукамъ, Ломоносовъ рано началъ заниматься и стихотворствомъ, затѣмъ пріобщилъ къ этимъ занятіямъ сперва теорію словесности, потомъ русскую исторію и филологію. Въ молодости только форма такъ называемой похвальной оды давала ему возможность высказывать тѣ плодотворныя мысли о русскомъ просвѣщеніи, объ осуществленіи которыхъ онъ мечталъ. Когда же улучшилось его общественное положеніе и упрочились его отношенія къ И. И. Шувалову, учено-литературные труды его замедляются и уступаютъ мѣсто разработкѣ вопросовъ общественныхъ: «съ этого времени является *цѣлая масса его мнѣній, проектовъ, уставовъ для устроенія учебныхъ и ученыхъ заведеній въ Россіи, для ея научнаго изученія, и наконецъ предлагаются имъ разныя государственныя мѣры по предмету народнаго благоустройства, въ отношеніяхъ экономическомъ, сельскохозяйственномъ и другихъ*». Сообразно съ такимъ ходомъ умственной дѣятельности Ломоносова г. Будиловичъ располагаетъ разсмотрѣніе ея въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) дѣятельность ученая — теоретическая, 2) дѣятельность литературная въ тѣсномъ смыслѣ и 3) дѣятельность общественная.

Таково содержаніе тѣхъ общихъ «предварительныхъ замѣчаній», которыми начинается изслѣдованіе г. Будиловича.

Слѣдующая за «предварительными замѣчаніями» первая глава изслѣдованія называется: «Дѣятельность Ломоносова по естествовѣдѣнію». Въ предисловіи къ своему сочиненію г. Будиловичъ объяснилъ, что естественныя науки составляютъ область, довольно удаленную отъ предмета его спеціальныхъ занятій, и что поэтому, говоря о Ломоносовѣ какъ естествоиспытателѣ, онъ могъ только собрать относящіеся сюда факты, но

не оцѣнивать ихъ. Несмотря однако на эту оговорку, мы встрѣчаемъ въ разсматриваемой главѣ замѣчанія, имѣющія цѣну для спеціальной исторіи естествознанія въ Россіи, и еще болѣе — для общей исторіи русскаго просвѣщенія. Таковы въ особенности данныя, собщаемыя г. Будиловичемъ, объ отношеніяхъ перваго русскаго естествоиспытателя и свѣтскаго философа къ той части русскаго общества, для которой свѣтская наука представлялась разрушительницею духовнаго строя древнерусской жизни. «Ломоносову, — говоритъ г. Будиловичъ, — предстояла борьба противъ оппозиціи, лицемѣрно скрывавшей себя «подъ святости покровъ». Она исходила не отъ «простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ», а «отъ людей грамотныхъ, чтецовъ Писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію».

И въ эпоху, современную Ломоносову, и позже примѣры такой борьбы встрѣчаются неоднократно; но, конечно, никто не проникался тяжестью лицемѣрныхъ обвиненій глубже, чѣмъ этотъ великій сѣятель русскаго просвѣщенія. Въ высшей степени характеристичны *тѣ способы, посредствомъ которыхъ Ломоносовъ полемизировалъ противъ сознательныхъ враговъ науки.* «Ломоносовъ, — замѣчаетъ г. Будиловичъ, — очень тонко сводитъ своихъ противниковъ, разбирая какой-нибудь миѳъ о Прометеѣ или преданіе о Клеантѣ или, доказывая заблужденіе блаженнаго Августина, оживленно возражаетъ своимъ противникамъ, самъ оставаясь свободнымъ отъ ихъ нападеній». Противники Ломоносова строили свои мнѣнія на пріемахъ господствовавшей тогда въ нашихъ школахъ схоластики; и Ломоносовъ, возражая имъ, какъ бы вспоминалъ уроки Славяно-греко-латинской академіи и отвѣчалъ въ духѣ схоластической діалектики.

«Особенно соблазняло набожныхъ людей, — говоритъ г. Будиловичъ, — распространившееся тогда, съ легкой руки Фонтенеля, и вызвавшее много толковъ и споровъ ученіе о множествѣ міровъ. Ломоносовъ, повидимому, находилъ эту гипотезу не только очень вѣроятною, но и несомнѣнною. Уже въ 1746 году онъ очень опредѣленно высказывалъ это въ своей одѣ по случаю сѣвернаго сіянія:

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

«Гораздо позднѣе, въ 1761 году, возвращаясь къ тому же научному вопросу при описаніи прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца, Ломоносовъ долженъ былъ присовокупить извѣстное «прибавленіе», въ которомъ онъ старается разграничить область науки и вѣры. Дѣло въ томъ, что въ упомянутой статьѣ онъ высказалъ предположеніе, что Венера «окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земнаго», и потому обладаетъ, подобно землѣ, растительною и животною жизнью. «Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты,— говоритъ Ломоносовъ,— скажетъ кто: Подумать-де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря; произрастаютъ вездѣ разныя прозябенія; ими питаются животныя. И сіе-де подобно Коперниковой системѣ: противно-де закону». Ломоносовъ опасался возможности такого обвиненія со стороны враговъ науки и потому для успокоенія ихъ *приводитъ слова Василія Великаго о возможности множества міровъ.*

Но затѣмъ онъ все-таки рѣшается прямо поставить вопросъ о присутствіи высшей животной жизни на планетахъ и хотя рѣшаетъ его только уловкою, но за нею можно видѣть его личный взглядъ на этотъ вопросъ: «Нѣкоторые спрашиваютъ: Ежели-де на планетахъ есть живущіе, намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросной: Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ странахъ обитатели, люди, видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть по евангельскому слову («не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на

пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла») туда поѣдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть пойдетъ для того жъ и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили; и для того всѣхъ изъ того слѣдствій ненадобно». Ломоносовъ, повидимому, повернулъ рѣшеніе вопроса въ незначущую шутку; но изъ окончанія этой рѣчи: «многи пути ко спасенію; многи обители суть на небесѣхъ», видно, что эта мнимая шутка была не болѣе, какъ ловкій маневръ. Видно, что Ломоносову не хотѣлось поднимать на себя нареканіе утвержденіемъ мнѣнія, которое, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, оставалось гипотетическимъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что слова Ломоносова безъ преувеличенія передаютъ разсужденія противной стороны. Фонтенелевы «Разговоры о множествѣ міровъ» еще въ 1730-мъ году были переведены на русскій языкъ княземъ А. Д. Кантемиромъ; но какъ во Франціи авторъ самъ, выпуская ихъ въ свѣтъ, долженъ былъ дѣлать въ предисловіи оговорки о безопасности ихъ для религіи, такъ еще болѣе въ Россіи изданіе этой книги возбуждало опасенія и встрѣчало затрудненія. Переводъ Кантемира вышелъ въ свѣтъ только въ 1740 году, а вслѣдъ затѣмъ извѣстный фанатикъ М. П. Абрамовъ, возвращенный изъ ссылки въ началѣ царствованія Елизаветы, уже называлъ, въ одномъ изъ своихъ доношеній, трудъ Фонтенеля «атеистическою, богопротивною книжицей». Еще позже, въ 1757 году, члены синода подавали императрицѣ Елизаветѣ докладъ, въ которомъ просили ее высочайшимъ указомъ запретить во всей имперіи, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался, а находящуюся бы нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ, Фонтенеля... указать вездѣ отобрать и переслать въ синодъ». Г. Будиловичъ не принялъ въ соображеніе эти факты, поясняющіе приводимыя имъ слова Ломоносова; между тѣмъ несомнѣнно, что *именно противъ Ломоносова направлено было это ходатайство синода*: въ томъ же 1757 году члены его *и по другому случаю требовали суда надъ Ломоносовымъ какъ безбожникомъ*. До сихъ поръ остается неразъясненнымъ, какія обстоятельства спасли его отъ бѣды,

такъ что въ 1761 году онъ даже рѣшился напечатать цѣлое разсужденіе въ защиту своихъ мнѣній.

Какъ на Западѣ въ періодъ Возрожденія, такъ и у насъ во время Петра I и его преемниковъ до Екатерины II оппозиція просвѣтительному движенію и внесеннымъ имъ новымъ идеямъ принимала псевдорелигіозный характеръ. Сравнивъ сейчасъ изложенный эпизодъ полемики между Ломоносовымъ и противниками мірской науки съ подобными же явленіями на Западѣ, мы найдемъ не одну черту сходства. Такъ, схоластическій пріемъ въ приведенныхъ выше опроверженіяхъ Ломоносова — не есть ли это ѣдкая иронія и не напоминаетъ ли она по своей мѣткости безсмертной сатиры Ульриха фонъ-Гуттена, какъ и вообще пылкая любовь Ломоносова къ знанію напоминаетъ страсть къ ней западно-европейскихъ гуманистовъ XVI вѣка? Впрочемъ, хотя Ломоносовъ признавалъ, что наука можетъ иногда приходить къ заключеніямъ, несогласнымъ съ тѣми выводами, которые истекаютъ изъ буквальнаго пониманія Священнаго Писанія, онъ не желалъ становиться въ разладъ съ религіей; онъ старался только разграничить ее съ наукой, какъ двѣ самостоятельныя области, и въ сферѣ религіи самъ первымъ оставался вполнѣ преданнымъ ей человѣкомъ. Такой строй мыслей особенно замѣчателенъ въ сравненіи съ общимъ скептическимъ направленіемъ XVIII вѣка. Въ этомъ случаѣ приведенное выше замѣчаніе г. Будиловича, что Ломоносовъ отличался умомъ сосредоточеннымъ и одареннымъ самообладаніемъ, находитъ себѣ полное подтвержденіе.

Вопросъ объ отношеніи между религіей и наукой, какъ понималъ его Ломоносовъ, связывается съ вопросомъ о томъ, какъ велико было вліяніе, которое имѣлъ на него Вольфъ. Г. Будиловичъ признаетъ, что оно замѣтно «только со стороны метода, а не со стороны взглядовъ». Иначе смотритъ на это дѣло г. Сухомлиновъ въ статьѣ своей: «Ломоносовъ — студентъ Марбургскаго университета», и въ силу приведенныхъ имъ доказательствъ мы думаемъ, что онъ болѣе правъ. По мнѣнію г. Сухомлинова, *строгость математическаго метода Вольфа очень цѣнилась Ломоносовымъ*, но онъ рѣдко къ нему обращался по живости своего ума. Но, кромѣ того, *Вольфъ и Ломоносовъ сходятся еще въ общемъ воззрѣніи на космосъ;* по общему ихъ убѣжденію, вѣчный порядокъ вселенной свидѣ-

тельствуетъ о мудрости и величіи Творца; но чтобы познать Его, необходимо изучать твореніе, и изучать безъ всякой задней мысли, вести изслѣдованіе вполнѣ свободно, не дѣлая изъ науки рабы заранѣе составленной системы, но стараясь объяснить все существующее логическимъ путемъ. Такимъ образомъ, оказывается, что *Ломоносовъ, по выходѣ изъ схоластической школы, усвоилъ себѣ отъ Вольфа Лейбницевъ «законъ достаточнаго основанія» и утвердилъ на немъ свое воззрѣніе на отношенія между вѣрой и разумомъ.* Имѣя это въ виду, нельзя отрицать, что марбургскій философъ оказалъ вліяніе на самый образъ мыслей нашего ученаго.

Въ кругу естественныхъ наукъ г. Будиловичъ считаетъ именно физику тѣмъ срединнымъ пунктомъ, около котораго вращалась ученая изобрѣтательность Ломоносова и на которомъ опирается его ученая слава. Изслѣдователь неоднократно проводитъ параллель между результатами, добытыми Ломоносовымъ, и выводами современной науки, и притомъ указываетъ, какъ близко подходилъ онъ къ новѣйшимъ открытіямъ. Можно пожалѣть, что по этому поводу г. Будиловичъ не сгруппировалъ тѣхъ хотя бы отрывочныхъ мнѣній о научной важности трудовъ Ломоносова, которыя были высказаны русскими естествовѣдами нашего времени — Щуровскимъ, Борисякомъ, Леваковскимъ и др. Вообще же жизненность и плодотворность, для своего времени, дѣятельности Ломоносова въ этой области г. Будиловичъ доказываетъ тѣмъ, «что въ XVIII вѣкѣ за Ломоносовымъ пошелъ цѣлый рядъ очень замѣчательныхъ русскихъ естествоиспытателей». Нельзя однако не замѣтить нѣкотораго противорѣчія между этимъ похвальнымъ отзывомъ и другимъ замѣчаніемъ г. Будиловича, что множество ученыхъ наблюденій Ломоносова, неоглашенныхъ въ печати, но сохранившихся въ рукописяхъ, которыя находятся въ библіотекѣ Академіи наукъ, не привлекло къ себѣ вниманія ни одного изъ русскихъ естествоиспытателей. Припомнимъ также, что еще въ 1831 году Д. М. Перевощиковъ заявилъ «о несправедливомъ равнодушіи русскихъ ученыхъ къ трудамъ знаменитаго соотечественника». «Разсуждая о теплѣ, — продолжаетъ Перевощиковъ, — всегда умалчиваютъ они о *Ломоносовѣ, предупредившемъ Румфорда цѣлымъ полустолѣтіемъ.* Для чего не слѣдуемъ похвальному примѣру иноземныхъ ученыхъ, которые всякое новое замѣчаніе своихъ собратій сохраняютъ тща-

тельно, и даже весьма часто о самыхъ мелочныхъ опытахъ пишутъ и говорятъ какъ объ открытіяхъ, расширяющихъ предѣлы науки? Напротивъ, мы рѣдко оцѣниваемъ справедливо труды своихъ согражданъ, хладнокровно уступаемъ иностранцамъ славу изобрѣтеній». Почему въ самомъ дѣлѣ ближайшіе ученики Ломоносова не взяли на себя вполнѣ благодарнаго труда развить тѣ хотя бы отрывочныя, но, какъ оказывается теперь, очень глубокія замѣчанія Ломоносова по естественнымъ наукамъ, которыя разсѣяны какъ въ рукописяхъ, такъ и въ печатныхъ его сочиненіяхъ? Если бы это было сдѣлано, то русскіе естествоиспытатели болѣе справедливо заслуживали бы даннаго имъ г. Будиловичемъ почетнаго названія Ломоносовской школы.

Вторая глава сочиненія г. Будиловича посвящена *филологическимъ трудамъ Ломоносова.* Исходя изъ той мысли, что онъ былъ образователемъ новаго русскаго литературнаго языка, г. Будиловичъ старается разъяснить: насколько сознательнымъ дѣятелемъ былъ Ломоносовъ въ этомъ случаѣ, то-есть насколько онъ былъ знакомъ вообще съ матеріаломъ русскаго языка и какъ понималъ его теорію. Кромѣ того, г. Будиловичъ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ Ломоносовъ заслуживаетъ названія ученаго филолога, и въ какомъ видѣ представляются намъ его филологическіе труды, съ одной стороны по соображенію средствъ и условій его времени, а съ другой — на разстояніи столѣтія, съ точки зрѣнія началъ современной лингвистики.

«Вполнѣ вѣрно, — говоритъ г. Будиловичъ, — замѣчаніе Шлецера, что «*Ломоносовъ былъ чистый натуралистъ въ исторіи и языкѣ*». Но Шлецеръ говоритъ это въ видѣ упрека, прибавляя, что Ломоносовъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что эти науки должны и могутъ быть изучаемы такъ, какъ всѣ другія... Первое замѣчаніе, если оно справедливо, можетъ только дѣлать честь филологу XVIII вѣка, приложившему къ разработкѣ языка методъ естественныхъ наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, *въ своихъ филологическихъ работахъ Ломоносовъ идетъ путемъ строго аналитическимъ, собирая по возможности всѣ факты, распредѣляя ихъ на группы и затѣмъ уже подводя заключительный выводъ, въ видѣ общаго итога фактовъ*». Пересматривая черновыя бумаги Ломоносова, г. Будиловичъ нашелъ между прочимъ списки разнаго рода словъ:

именъ — для опредѣленія родовъ по окончаніямъ и для распредѣленія по склоненіямъ, глаголовъ — чтобъ отмѣтить отношеніе формы настоящаго времени къ неопредѣленному наклоненію и т. п. Эти и подобные списки напечатаны г. Будиловичемъ въ приложеніи къ его книгѣ и вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что въ грамматическихъ своихъ разысканіяхъ Ломоносовъ шелъ путемъ совершенно реальнымъ; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ его время въ грамматической наукѣ господствовалъ полный догматизмъ, въ силу котораго языку навязывались правила вовсе ему несвойственныя.

Въ прекрасномъ разборѣ «Россійской грамматики» Ломоносова, который сдѣланъ г. Будиловичемъ, есть однако пробѣлъ, который, впрочемъ, не остался незамѣтнымъ и для самого автора: именно, онъ не разъясняетъ того, какими источниками пользовался Ломоносовъ при составленіи своей статьи «о человѣческомъ словѣ вообще» (первый отдѣлъ «Грамматики»), ограничивается лишь предположеніемъ, что разсужденіе это составлено подъ вліяніемъ французскихъ «всеобщихъ грамматикъ». Подтвержденіе своей догадкѣ г. Будиловичъ видитъ въ томъ, что въ числѣ книгъ, купленныхъ Ломоносовымъ за границей, не позже 1738 года, значится: «Nouvelle Grammaire Roiale. Berlin. 1736». Заглавіе это г. Будиловичъ отожествляетъ съ слѣдующимъ: «Grammaire générale et raisonnée, contenant les fondements de l'art de parler», то-есть съ заглавіемъ «Всеобщей грамматики», изданной въ 1660 году для школъ Поръ-Рояльскаго монастыря (близъ Парижа) и составленной ученымъ янсенистомъ Лансело подъ руководствомъ своего друга, знаменитаго Арно. Книга эта, дѣйствительно, и въ XVIII вѣкѣ сохранила свое классическое значеніе и перепечатывалась неоднократно; но не она значится въ числѣ пріобрѣтеній Ломоносова: подъ «Nouvelle Grammaire Roiale» 1736 года слѣдуетъ разумѣть просто учебникъ французскаго языка, составленный де-Пепліе (des Pepliers) на нѣмецкомъ языкѣ и выдержавшій много изданій въ разныхъ городахъ Германіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Въ этой книгѣ нѣтъ никакихъ замѣчаній по теоріи языка, и, слѣдовательно, не изъ нея могъ Ломоносовъ заимствовать свои разсужденія «о человѣческомъ вообще». Что же касается отношенія этихъ разсужденій къ поръ-рояльской «Всеобщей грамматикѣ», то сличеніе этой статьи Ломоносова съ тою главой книги Лансело и

Арно, которая озаглавлена: «Que la connaissans de ce qui se passe dans nostre esprit est necessaire pour comprendre les fondemens de la Grammaire; et que c'est de là que dépend la diversité des mots qui composent le discours» (Seconde partie de la Grammaire générale, chap. I), показываетъ, что дѣйствительно сочиненіе поръ-рояльскихъ грамматиковъ не осталось неизвѣстнымъ русскому ученому: по всей вѣроятности, именно соображенія, изложенныя въ упомянутой главѣ этой книги, навели Ломоносова на мысль раздѣлить части рѣчи на знаменательныя и служебныя. Прибавимъ однако, что въ развитіи этой мысли русскій писатель сохраняетъ самостоятельность, и что *самая классификація частей рѣчи у него не сходится съ поръ-рояльскою.*

Послѣ изслѣдованія г. Будиловича дѣлается несомнѣннымъ, что *въ филологіи Ломоносовъ былъ такимъ же передовымъ ученымъ, какъ и въ естествовѣдѣніи.* Извѣстно, что отъ Ломоносова остался набросанный имъ «планъ для филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики служащихъ». Но остается не разъясненнымъ, были ли написаны всѣ эти изслѣдованія, или Ломоносовъ только предполагалъ заняться ими. Судя по тому, что одно изъ предполагавшихся изслѣдованій — «о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» — сохранилось, и что изъ біографическихъ документовъ о Ломоносовѣ обнаруживается существованіе, въ свое время, другого изслѣдованія — «о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ», г. Будиловичъ заключаетъ, что весь планъ Ломоносова былъ приведенъ имъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, весьма важны вопросы, которыхъ Ломоносовъ предполагалъ коснуться въ этомъ рядѣ трудовъ. Поэтому-то г. Будиловичъ и счелъ необходимымъ разыскать въ черновыхъ рукописяхъ Ломоносова, а также въ печатныхъ его сочиненіяхъ всѣ намеки, по которымъ можно было бы возстановить, хотя отчасти, содержаніе утраченныхъ изслѣдованій. Такъ, мы находимъ здѣсь указанія, что *Ломоносовъ сознавалъ родственность языковъ русскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, то-есть имѣлъ понятіе о нѣкоторыхъ элементахъ индо-европейской группы языковъ,* и въ основаніе сравненія ихъ со стороны лексической полагалъ счисленіе именъ числительныхъ; что онъ *хорошо зналъ составъ семьи языковъ славянскихъ, отличалъ древне-русскій языкъ отъ церковно-славянскаго, понималъ научное зна-*

ченіе просторѣчія, зналъ, на какіе важнѣйшіе говоры дробится языкъ русскій и т. д. Все это — пріемы и положенія, оправданные и развитые дальнѣйшими успѣхами лингвистики, но во-время Ломоносова чуждые огромному большинству филологовъ.

Вторая глава изслѣдованія г. Будиловича оканчивается обзоромъ трудовъ Ломоносова по части *теоріи прозы и поэзіи.* Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается нашъ изслѣдователь на «Риторикѣ» Ломоносова и доказываетъ, что она не есть трудъ самосостоятельный; въ подтвержденіе этому мнѣнію въ приложеніи къ сочиненію напечатанъ цѣлый рядъ выписокъ изъ одной русской рукописной риторики XVII вѣка, а также изъ «Руководства къ краснорѣчію» Готшеда и изъ «Риторикъ» Помея и Каусcина, которыми пользовался Ломоносовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Будиловичъ указываетъ, что Ломоносовъ смотрѣлъ на риторику, какъ на энциклопедію необходимыхъ оратору познаній, и тѣмъ объясняетъ, что онъ ввелъ въ свой учебникъ краснорѣчія замѣтки о предметахъ, собственно выходящихъ изъ круга теоріи словесности.

Л. Майковъ.

Ломоносовъ, какъ просвѣтитель.

(Смиреніе, какъ лучшее достоинство человѣка по доломоносовскимъ понятіямъ.—Введеніе Ломоносовымъ „Закона достаточнаго основанія“.— Любовь поэта къ природѣ. — Примиреніе вѣры съ наукой. — Вѣра въ прогрессъ. — Нападки враговъ. — Призваніе Л.: провести результаты европ. науки черезъ складъ рус. ума).

Религіозный вопросъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ развитіи общества и народа; въ системѣ религіи всего рѣшительнѣе высказывается авторитетъ, и потому свободная постановка какого-либо изъ вопросовъ въ ея области служитъ уже доказательствомъ большей или меньшей независимости мысли.

По понятіямъ, господствовавшимъ у насъ до Ломоносова, лучшимъ достоинствомъ человѣка считалась не смѣлость мысли, *а смиреніе,* и въ отважномъ полетѣ ея видѣли грѣховное посягательство на права единаго Всевѣдущаго.

Одинъ изъ писателей, высокоцѣнимыхъ старинными нашими книжниками, говоритъ: «Что повелѣно тебѣ, о томъ размышляй, а что сокрыто, того не изслѣдуй; о, если бы кто держалъ бичъ надъ моими мыслями!»

И находились люди, которые держали бичи надъ мыслями въ своихъ рукахъ. Понимая вещи по-своему, піэтисты искали таинственнаго смысла во всѣхъ явленіяхъ, и для доказательства любимой темы сближали вещи, не имѣющія между собою общаго. На естественныя причины или вовсе не обращали вниманія, или отзывались о нихъ съ пренебреженіемъ, называя ихъ слѣпымъ случаемъ; истинную же причину видѣли не въ нихъ. «Не случайно произошло это, а съ таинственною цѣлью», и т. д. — вотъ обычное въ то время объясненіе событій.

Даже Ѳеофанъ Прокоповичъ, обвиняемый въ свободомысліи, говоря о русскомъ флотѣ, доказываетъ, что Петръ не случайно увидѣлъ ботикъ, какъ не случайно у персидскаго царя, осудившаго на казнь невиннаго, сдѣлалась безсонница и т. д. На общемъ, безразличномъ объясненіи всего посредствомъ *непостижимыхъ* путей Промысла, безъ изслѣдодованія причинъ ближайшихъ, остановились неглубокіе люди, и съ труднѣйшими вопросами науки и жизни порѣшили коротко, хотя и не ясно: «чему быть, тому не миновать», или еще смиреннѣе: «это не нашего ума дѣло».

При подобномъ взглядѣ, философскій *законъ достаточнаго основанія*, возведенный въ принципъ Лейбницемъ и Вольфомъ, былъ для тогдашняго русскаго общества смѣлою новостью, и *за постоянное обращеніе къ логическому закону Ломоносовъ подвергался укорамъ и даже преслѣдованіямъ.*

Этотъ законъ получаетъ новый, жизненный смыслъ въ воззрѣніи Ломоносова, искавшаго разгадки непостижимыхъ вещей въ творческой силѣ природы, онъ считаетъ нужнымъ успокоивать умы слушателей и читателей, готовыхъ обвинять его въ посягательствѣ на вѣру и чуть не въ атеизмѣ.

Всего нагляднѣе обнаруживается тогдашнее настроеніе во взглядѣ на электрическіе опыты: объясненіе грома и молніи посредствомъ электричества и употребленіе громоотводовъ считали «продерзостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божію»; Ломоносовъ подробно доказываетъ, что защищаться отъ громо-

выхъ ударовъ такъ же безгрѣшно, какъ и строить прочныя зданія для защиты отъ бурь, или дѣлать плотины для защиты отъ наводненій. Говоря о происхожденіи Венеры черезъ солнце, онъ доказываетъ, что изученіе астрономіи нисколько не подрываетъ религіи, какъ полагали многіе изъ его современниковъ.

Не отрицая воли Божіей, правящей міромъ, Ломоносовъ считалъ необходимымъ объясненіе естественныхъ явленій посредствомъ закона достаточнаго основанія — дѣйствіемъ силъ природы.

Не только по мыслямъ, но и по формѣ ихъ, Ломоносовъ напоминаетъ Вольфа, превосходя его энергіей выраженія. Весьма любопытно въ этомъ отношеніи *«Посланіе о пользѣ стекла»*, выражающее новый для того времени взглядъ на отношеніе человѣка къ природѣ. Стихотворная форма выбрана по тогдашнему литературному обычаю, а, можетъ-быть, и по примѣру поэмы Лукреція «de rerum natura», въ которой говорится стихами о естественныхъ явленіяхъ, подлежащихъ наблюденію натуралиста. Ломоносовъ говоритъ о «слабомъ умѣ»:

Дабы столковать, что молнія и громъ—
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ:
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?

Какъ Вольфъ признавалъ истиннымъ только то откровеніе, которое въ ладу съ законами природы, такъ и для Ломоносова права природы священны, и всякое уклоненіе отъ нихъ онъ почиталъ несообразнымъ съ волей Божіей, хотя бы оно и утверждено было преданіемъ. Онъ называетъ смѣшною неосторожностью то, что противно природѣ человѣка, но вошло въ обычай подъ вліяніемъ авторитета.

Какъ въ западной Европѣ, гдѣ долгое время занятіе физикой считалось грѣховнымъ, Альбертъ Великій и Роджеръ Беконъ дерзнули «очистить природу отъ грѣха», такъ въ Россіи *Ломоносовъ энергически возставалъ противъ обвиненій въ грѣховности науки о природѣ и утверждалъ, что «испытаніе природы трудно, однако полезно, свято»*. Раздѣляя съ

Вольфомъ благовѣніе къ природѣ, Ломоносовъ отличался отъ него поэтическимъ воззрѣніемъ на космосъ. Вольфъ былъ холоднымъ систематикомъ, и права природы доказывалъ математическими теоремами, Ломоносовъ чувствовалъ ихъ всѣмъ существомъ своимъ. Его душа понимала поэзію природы, и если природа не была къ нему мачехой, то и онъ съ своей стороны не былъ къ ней пасынкомъ; она давала художническому чувству его высокое наслажденіе и служила для разума неисчерпаемымъ источникомъ познанія. Для полноты знанія Вольфъ считалъ необходимымъ изучать священное Писаніе и книгу природы; Ломоносовъ говоритъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю; первая — видимый сей міръ, вторая — священное Писаніе».

Въ священномъ Писаніи онъ живо сочувствовалъ изображеніемъ *величія и красоты природы*, какъ можно судить по его переложеніямъ, выбраннымъ изъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя всего болѣе проникнуты чувствомъ природы, какъ напр. изъ книги Іова и псалмовъ.

Ломоносовымъ переложенъ и сто третій псаломъ, изображающій картину цѣлаго космоса: «Должно дивиться, говоритъ Гумбольдтъ, какъ въ такомъ незначительномъ по своему объему лирическомъ произведеніи немногими великими чертами изображена вселенная, и небо, и земля! Подвижной, стихійной жизни природы противопоставлена тихая, тяжкая работа человѣка отъ восхода солнечнаго до окончанія деннаго труда вечеромъ. Эта противоположность, этотъ всеобъемлющій взглядъ на взаимное отношеніе между явленіями, это обращеніе къ вездѣ присутствующей невидимой силѣ, которая можетъ обновить землю или разбить ее въ прахъ, придаютъ торжественность этой не столько кипящей жизнію, сколько возвышенной поэзіи».

Чувство природы было жизненнымъ элементомъ въ произведеніяхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства.

«Христіанское настроеніе сердца, замѣчаетъ Гумбольдъ въ своемъ *Космосѣ*, заставило доказывать величіе и благость Создателя на основаніи всеміpнаго порядка и красоты природы; подобное направленіе мыслей къ прославленію Боже-

ства въ его твореніи возбудило вкусъ къ описаніямъ природы».

Въ писаніяхъ отцовъ церкви *Ломоносовъ высоко цѣнитъ сочувствіе къ природѣ* и стремленіе сдружить познаніе ея съ вѣрой: «о, если бы въ ихъ время, говоритъ онъ, извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ, съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца!»

Въ этомъ сдруженіи науки съ вѣрой полагалъ свое призваніе Ломоносовъ; къ той же цѣли стремилась и философія Вольфа. Особенность Ломоносова въ постановкѣ вопроса объ отношеніяхъ естественныхъ можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ. До него, по крайней мѣрѣ, въ понятіи большинства, наука была не болѣе какъ *служанкою*, и притомъ опасною, вѣры; Ломоносовъ признавалъ науку и вѣру *двумя родными сестрами*. «Природа, говоритъ онъ, есть «евангеліе», благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію».

Примиреніе науки съ вѣрой, или, точнѣе, вѣры съ наукою было живою потребностью тогдашняго русскаго общества. Чтобы начать движеніе по пути умственнаго развитія, необходимо было уничтожить преграду, останавливающую умы въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, и довести ихъ до сознанія, что новый путь велъ къ истинѣ, а не къ пагубѣ. Большинство нуждалось въ ободряющемъ голосѣ, и Ломоносовъ угадалъ эту потребность общества, какъ вѣрно угадывалъ и всѣ другія его нужды. Сочувствіе къ интересамъ общественнымъ есть одна изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности Ломоносова. Въ этомъ онъ также сближается съ Вольфомъ. Съ именемъ Вольфа связано воспоминаніе о замѣчательной въ исторіи нѣмецкой литературы и образованности эпохѣ «просвѣщенія» (Aufklärung). Задача такъ называемыхъ «просвѣтителей» состояла въ освобожденіи личности человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, въ свободѣ изслѣдованія и въ борбѣ съ предразсудками и школьнымъ авторитетомъ. Содѣйствуя просвѣщенію своихъ соотечественниковъ, Вольфъ говорилъ и писалъ на родномъ языкѣ о важнѣйшихъ предметахъ человѣческой мысли, и первый ввелъ нѣмецкій

языкъ въ область философіи, гдѣ до того владычествовалъ латинскій языкъ исключительно. До Вольфа философія была достояніемъ кружка; ею занимались немногіе спеціалисты; Вольфъ возбудилъ интересъ къ ней въ образованномъ мірѣ вообще; для содѣйствія занятіямъ философскими науками составились въ различныхъ мѣстахъ цѣлыя общества. Система самого Вольфа была излагаема въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ строгаго догматическаго трактата до легкаго популярнаго очерка; даже дамы принялись за изученіе философіи: девятнадцатилѣтняя дочь обитателя Шарлотенбурга, близъ Берлина, до того была восхищена системой Вольфа, что пожелала имѣть подробное ея изложеніе, которое и вышло въ свѣтъ подъ именемъ «прекрасной вольфіанки» — la belle Wolfiene. Какова бы не была степень таланта Вольфа, критики девятнадцатаго вѣка особенно цѣнятъ въ немъ «просвѣтителя» тогдашней Германіи.

Ломоносовъ былъ также *«просвѣтителемъ» современнаго ему русскаго общества*. Подвигъ его, какъ просвѣтителя, состоялъ въ отверженіи того, что̀ вело къ апатіи и застою, и въ общедоступномъ изложеніи того, въ чемъ видѣлъ онъ плодотворное, жизненное начало. Несравненно смѣлѣе Вольфа возставалъ онъ противъ авторитетовъ; по его мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ умственнаго застоя въ средніе вѣка была слѣпая вѣра въ Аристотеля: «я не презираю сего славнаго философа», говоритъ онъ, «но тѣмъ не безъ сожалѣнія удивляюсь, которые про смертнаго человѣка думали, будто бы онъ въ своихъ мнѣніяхъ не имѣлъ никакого погрѣшенія, что было главнымъ препятствіемъ къ приращенію философіи и прочихъ наукъ».

Независимое отношеніе къ авторитетамъ нестерпимо для малодушія и скудоумія, и на Ломоносова сыпались нападки: «не великъ, говорили, передъ нимъ Картезій, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новыми ихъ изысканіями».

Ломоносовъ былъ горячимъ защитникомъ прогресса, утверждалъ, что въ нынѣшнія времена науки достигли такого развитія, о которомъ и не мечтали люди, жившіе не только за тысячу, но и за сто лѣтъ; *вѣра его въ прогрессъ доходила до энтузіазма*, и онъ весьма неблагосклонно отзывался о добромъ старомъ времени.

Защитники старины, въ свою очередь, не оставались въ

долгу передъ смѣлымъ обличателемъ, но бой былъ далеко не равный: на правдивый укоръ просвѣтителя отвѣчали клеветами и доносами. Въ шутливомъ гимнѣ Ломоносовъ обращается къ бородѣ съ воззваніемъ:

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О *завѣса мнѣній ложныхъ*!

За такое обращеніе усердные защитники бороды и блюстители нравственности предлагали: «къ отвращенію таковыхъ продерзостей *удостоить* сего ругателя *публичнымъ наказаніемъ*».

Дѣятельность русскаго просвѣтителя не ограничивалась энергическимъ отрицаніемъ: она стремилась къ положительной цѣли, открывала положительныя истины и вносила въ доступную ей среду ясныя и благородныя убѣжденія. Подобно Вольфу, Ломоносовъ не былъ спеціалистомъ, а стремился обнять всѣ отрасли знанія и проводить ихъ благотворное, цивилизующее вліяніе въ общество; даже въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ онъ имѣлъ въ виду не только передачу фактовъ, но и просвѣщеніе своихъ читателей и слушателей, и истины науки старался объяснить общедоступно.

Справедливо замѣчаютъ, что призваніемъ Ломоносова было — *провести результаты европейской науки черезъ складъ русскаго ума и сдѣлать ихъ составною частью нашей умственной атмосферы*. Науку для пользы и просвѣщенія общества признавалъ онъ вопіющею потребностью.

Сухомлиновъ.

„Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“.

Оду эту по содержанію можно раздѣлить на три части.

Во вступленіи поэтъ описываетъ солнечный восходъ и говоритъ, что послѣдній наводитъ его на размышленія о величіи Творца вселенной:

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли:
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ зиждитель самъ!

Чудесно превращеніе, произведенное солнцемъ, и мысль поэта невольно обращается къ источнику этого превращенія,— къ самому солнцу. Въ немъ просыпается ученый, и онъ начинаетъ размышлять о физическомъ строеніи солнца. Этими размышленіями открывается главная часть оды.

Ломоносовъ разсказываетъ, какая грандіозная картина открылась бы предъ глазами человѣка, еслибъ онъ могъ отдѣлиться отъ земли, подняться на воздухъ и приблизиться къ солнцу. Онъ увидѣлъ бы безбрежный океанъ огня, на которомъ переливаются горящіе валы, крутятся пламенные вихри, борющіеся «множество вѣковъ», камни кипятъ, какъ вода, и «шумятъ горящіе дожди».

Слишкомъ бренно человѣческое око для созерцанія такого зрѣлища. Нарисовавъ этотъ грандіозный образъ, Ломоносовъ, по внутренней ассоціаціи идей, переходитъ къ размышленіямъ о силѣ, создавшей это море огня. И тутъ тонъ изложенія сразу мѣняется. Грандіозное уходитъ въ глубь и въ перспективѣ перестаетъ быть таковымъ, стушевывается передъ тѣмъ неизмѣримымъ и безконечнымъ, что выростаетъ передъ умомъ поэта. Ломоносовъ употребляетъ замѣчательно удачный пріемъ двойного контраста.

„Сія *ужасная громада*
„Какъ *искра* предъ Тобой одна",—

говоритъ онъ, обращаясь къ Творцу. Онъ подумалъ о Богѣ, и вмигъ безбрежный океанъ огня сократился въ одну огненную брызгу — въ искру. Солнце — искра передъ Богомъ. Искра, Имъ зажженная для того, чтобы освѣщать міръ, дать людямъ возможность выполнить задачи, опредѣленныя Имъ же.

О, коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

Все величіе Бога измѣряется этимъ сопоставленіемъ солнца съ искрой.

Сравнивъ солнце съ лампадой, предназначенной свѣтить людямъ въ ихъ земной дѣятельности, Ломоносовъ мысленно возвращается къ картинѣ солнечнаго восхода и подробнѣе описываетъ измѣненія, производимыя въ природѣ «блескомъ» солнца. Освободились отъ мрачнаго покрова ночи — поля, холмы, моря и лѣсъ, открывшись взору человѣка, и всѣ они полны для нашего глаза Божіихъ чудесъ, свидѣтельствуя о Его величіи.

Тамъ каждая взываетъ плоть;
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

И снова переходитъ мысль поэта отъ солнца къ Богу. Истинное величіе Божіе измѣряется глубиною различія между вліяніемъ солнца и силой очей Создателя. Солнце скользитъ своими лучами только по *поверхности* предметовъ, тогда какъ взоръ Творца не знаетъ ни предѣловъ, ни преградъ, пронизываетъ все сущее, проникая въ самыя сокровенныя его глубины.

„Отъ свѣтлости Твоихъ очей
„Ліется радость твари всей".

И упоенный этой радостью, поэтъ, въ заключеніи своей оды, обращается къ Творцу со смиренной молитвою. Онъ сознаетъ ограниченность своего ума. Великій ученый, Ломоносовъ выражается про себя, что онъ все же «покрытъ тьмою». Поэтому молитъ онъ у Бога духовнаго просвѣтлѣнія; молитъ, чтобъ Творецъ руководилъ имъ въ его дѣятельности, внушилъ ему то, что ему угодно; молитъ, чтобъ Онъ научилъ его, взирая на творенія Божіи, хвалить безсмертнаго Царя:

„Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобой,
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь".

Разобранная ода принадлежитъ не только къ числу лучшихъ произведеній Ломоносова, — это перлъ русской поэзіи допушкинскаго періода. Въ ней замѣчательна сила поэтическаго подъема, соединенная съ ясностью мысли и глубиною

содержанія. Эта ода свидѣтельствуетъ о томъ, насколько гармонично слился въ Ломоносовѣ ученый съ поэтомъ.

Основу поэтическаго вдохновенія въ этой одѣ составляетъ религіозный экстазъ, вызванный восторженностью чуткой души, которая живетъ одной жизнью съ природой. «Утреннее размышленіе» было прекраснымъ отвѣтомъ тѣмъ современникамъ великаго русскаго ученаго, которые утверждали, что наука подрываетъ авторитетъ религіи. Ломоносовъ какъ бы доказываетъ, что истинная религіозность основана на *чувствѣ величія* того таинственнаго начала, которое руководитъ міромъ. Такая религіозность не боится свѣта науки. Наоборотъ, наука открывая и объясняя законы природы, только рѣзче обозначаетъ границы человѣческаго познанія, за которыми уже начинается область вѣры.

Нельзя не удивляться искренности и задушевности оды. Это не разсудочныя вирши, это непосредственная струя самого глубокаго творчества. Поэтому и *форма* оды такъ хороша. Прежде всего Ломоносовъ въ ней далъ абсолютную *свободу* своему творчеству. Ода написана не въ ложноклассическомъ духѣ. Она естественна, а потому сжата и очень коротка — рѣдкое явленіе для того времени. Стихъ легкій, граціозный; строеніе рѣчи воздушное; слогъ концентрированный, кованный, а языкъ прекрасный, органически живой и ровный, очень близкій къ современному языку.

Вотъ какъ велика сила истиннаго вдохновенія!

Н. Г. Григорьевъ.

„Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія".

Во вступленіи Ломоносовъ описываетъ наступленіе ночи, и впечатлѣніе, производимое на него этой грандіозной и красивой картиной.

Солнце зашло: «день скрываетъ свое лицо», мрачная ночь покрыла поля, мрачная тѣнь легла на горы, прогнала послѣдніе лучи.

Открылась бездна звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Это великолѣпное зрѣлище подавляетъ поэта своимъ величіемъ. Онъ чувствуетъ все свое ничтожество передъ необъятнымъ, безконечнымъ, безграничнымъ космосомъ. На его языкъ напрашиваются сравненія: какъ песчинка въ морскихъ волнахъ, какъ искорка въ вѣчномъ льдѣ, какъ пылинка въ сильномъ вихрѣ, какъ перышко въ бушующемъ огнѣ, — говоритъ поэтъ:

„Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
„Теряюсь, мысльми утомленъ!"

Ломоносовъ — ученый, и естественно, что поэтическія волненія перемѣшиваются въ немъ съ разсудочными рефлексами. Поэтъ, по ассоціаціи представленій, переходитъ къ размышленіямъ о томъ, что такое звѣзды, наполняющія бездну надъ его головою. Съ этого и начинается главная часть оды.

Наука «намъ гласитъ», что каждая звѣзда — отдѣльный міръ, и «множество такихъ свѣтовъ» выполняетъ вселенную; между ними есть несчетное число солнцъ; на каждой звѣздѣ свой животный міръ («народы», по выраженію поэта) и свое времясчисленіе («кругъ вѣковъ»), но всѣ «свѣты» подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ природы («тамъ равна сила естества»), и въ этомъ-то и проявляется «общая слава Божества».

Но поэтъ видитъ передъ собою явленіе, явно противорѣчащее открытымъ наукой законамъ природы: это *сѣверное сіяніе.* Оно во всѣхъ своихъ деталяхъ полно несообразностей, съ точки зрѣнія науки. На сѣверѣ «встаетъ заря»! Не солнце ли перемѣстило свой тронъ? Или ледовитыя моря пышутъ огнемъ? Холодное пламя покрыло небо! День переступилъ границы ночи! — Такими восклицаніями и вопросами Ломоносовъ выражаетъ свое изумленіе передъ загадочнымъ явленіемъ природы.

И онъ обращается къ ученымъ, которые своимъ зоркимъ взглядомъ «пронзаютъ книгу вѣчныхъ правъ» (законовъ); которые по мельчайшему признаку умозаключительно возстановляютъ полную картину всего предмета или явленія; которые знаютъ «пути планетъ», — и вопрошаетъ:

„Скажите, что нашъ умъ мятетъ?"

Что зыблетъ *ночью* ясный *лучъ*»? Что отражаетъ «тонкій пламень въ твердь»? Какимъ образомъ «*молнія безъ* грозовыхъ

4*

тучъ стремится *отъ земли* въ зенитъ»? Какъ возможно, «чтобъ *мерзлый паръ* среди зимы рождалъ *пожаръ?*»

Ломоносовъ вспоминаетъ гипотезы, которыми наука пытается объяснить сѣверное сіяніе. Одни ученые говорятъ, что это густой туманъ «споритъ съ водой»; другіе: что это солнечные лучи, падая наклонно на землю, преломляются въ густомъ воздухѣ; третьи: что это горятъ влажныя вершины горъ; четвертые: что въ безвѣтренную погоду волны испускаютъ свои лучи въ эфиръ»... Одна гипотеза противорѣчитъ другой, одна опровергаетъ другую.

«Сомнѣній полонъ» отвѣтъ ученыхъ, и этотъ фактъ наводитъ поэта на мысли объ ограниченности человѣческаго познанія. Если ученые не въ состояніи объяснить явленія, которое такъ близко къ нимъ, которое находится «окрестъ ближнихъ мѣстъ», то нечего уже говорить, что они не смогутъ дать отвѣтъ на вопросы: «коль пространенъ свѣтъ»? Что находится за мельчайшими звѣздами? Какъ велико число «тварей»?

Изъ этихъ размышленій само собою напрашивается выводъ, составляющій основную идею всей оды:

Кто жъ знаетъ: коль великъ Господь?

Этимъ заключительнымъ аккордомъ замыкается прекрасная ода.

«Вечернее размышленіе» — тоже произведеніе, направленное противъ враговъ просвѣщенія. Въ этой одѣ еще рельефнѣе и убѣдительнѣе развита мысль о томъ, что наука и вѣра не исключаютъ другъ друга и могутъ совершенно гармонично ужиться въ жизни человѣка. Наука въ извѣстной степени — подпора вѣры, такъ какъ безапелляціонно и ясно опредѣляетъ границы, за которыя умъ человѣческій уже не въ состояніи перешагнуть.

Ода замѣчательна по богатству содержанія, по обилію серьезныхъ мыслей и по стройности ихъ логическаго хода. Поразителенъ и тотъ тактъ, съ какимъ Ломоносовъ затрагиваетъ вопросъ о Богѣ въ этой одѣ. Онъ совершенно не касается вопроса о самомъ *бытіи* Божіемъ. Онъ говоритъ лишь объ Его *величіи.* Причемъ и эта мысль не навязывается читателю, какъ нѣчто внѣшнее, постороннее, предвзятое, а

логично и психически вытекаетъ изъ всего хода мыслей и переживаній, — сама собою приходитъ на умъ и на языкъ.

Можетъ быть, не лишнимъ будетъ отмѣтить рѣдкую *искренность* оды, являющуюся, пожалуй, главнымъ источникомъ ея убѣдительности и красивости. Эта искренность, съ одной стороны, выражается въ той откровенности, съ какой Ломоносовъ — самъ ученый — сознается въ безсиліи науки объяснить нѣкоторыя явленія природы. Ломоносовъ совершенно чуждъ слѣпого и узкаго фанатизма, которымъ страдаютъ нѣкоторые, даже великіе, ученые. Съ другой стороны, эта искренность проявляется въ выборѣ примѣровъ, иллюстрирующихъ основную идею оды. Ломоносовъ демонстрируетъ свою мысль на явленіи сѣвернаго сіянія. Это не случайность. Сѣверное сіяніе занимало большое мѣсто въ душевныхъ переживаніямъ поэта. Еще когда онъ былъ ребенкомъ, оно поражало его фантазію въ далекихъ Холмогорахъ, — изъ своего дѣтства чуткій и впечатлительный поэтъ вынесъ этотъ величественный образъ, эту ослѣпительную загадку. —

Нельзя не удивляться также тому, какъ Ломоносовъ сумѣлъ такое богатое содержаніе вмѣстить въ такіе скромные объемы.

Вся ода состоитъ изъ 8 строфъ по 6 стиховъ каждая, — *для того*, и даже для *нашего* времени весьма небольшое стихотвореніе. Строеніе фразы необыкновенно сжатое, упругое; изложеніе образное, точное; сравненія блестящія, удачныя; а языкъ — богатый, простой и легкій. Прямо прекрасны такія выраженія, какъ —

Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Такъ гибнетъ въ ней (безднѣ) мой умъ и взоръ.
Народы тамъ, и кругъ вѣковъ...
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ книгу вѣчныхъ правъ...
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Все это вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о громадномъ умѣ и геніальныхъ способностяхъ, при врожденномъ чувствѣ красоты.

Н. Г. Григорьевъ.

Ложноклассическая ода.

(Родина ложноклассицизма. — Характеръ подражанія. — Насильственное сочетаніе разнокачественныхъ предметовъ. — Уклоненіе отъ истины. — Роль миѳологіи. — Пиндарическая ода и теорія Буало. — Напыщенность и ея причины).

Литературная дѣятельность Ломоносова выразилась въ его стихотвореніяхъ и двухъ похвальныхъ словахъ: Петру I и Елисаветѣ. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ стихотворства: лирическомъ, эпическомъ и драматическомъ, но преимущественно извѣстенъ, какъ авторъ одъ. Характеръ его лирики, равно какъ двухъ трагедій: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ» и двухъ пѣсенъ поэмы «Петръ Великій» — *ложноклассическій*, надолго имъ укрѣпленный за нашей поэзіей.

Ложный классицизмъ (псевдоклассицизмъ), названный такъ въ отличіе отъ истиннаго, античнаго (греко-римскаго) классицизма, называется еще классицизмомъ «французскимъ», по высшему, блистательному его развитію во Франціи, откуда онъ проникъ и въ другія страны, такъ что литература каждой изъ нихъ болѣе или менѣе долгое время состояла подъ его вліяніемъ.

Онъ появился *въ эпоху возрожденія,* со второй половины XVI в., какъ результатъ знакомства съ наукой и литературой древнихъ народовъ, въ особенности грековъ. Ихъ поэтическія творенія по своему художественному совершенству, поставлены были за образецъ и для поэтическаго творчества новаго, христіанскаго міра. Памятники собственной, національной литературы были отвергнуты и забыты, какъ грубыя произведенія среднихъ вѣковъ, недостойныя подражанія.

Но при этомъ увлеченіи образцами чужой поэзіи, остался нерѣшеннымъ вопросъ: *что значитъ подражать въ искусствѣ?* Подражать поэзіи древнихъ значитъ заимствовать изъ нея общечеловѣческія понятія и чувства, а не то, что въ древности было исключительно національнымъ и что не допускаетъ никакого соглашенія съ духомъ ново-христіанскихъ народовъ.

Этотъ общечеловѣческій элементъ, нашедшій себѣ художественное выраженіе въ твореніяхъ древности, соотвѣтственно умственному и нравственному состоянію того времени и характеру національности, воспринимается и обрабатывается новымъ художникомъ уже по требованіямъ своего времени,

согласно съ характеромъ своего народа. съ воззрѣніями христіанскаго міра, отличными отъ воззрѣній міра языческаго.

Матеріалъ — одинъ и тотъ же, но *представленіе его иное, какъ по формѣ, такъ и по духу,* его проникающему.

Не въ такомъ смыслѣ было понято въ XVI в. подражаніе древнимъ. Оно состояло, такъ сказать, *въ буквальномъ перенесеніи поэтическаго достоянія грековъ и римлянъ въ поэзію новыхъ народовъ.*

Отзывъ Буало о Ронсарѣ (+ 1585), главномъ дѣятелѣ при образованіи псевдоклассицизма, что «муза его говорила на французскомъ языкѣ по-гречески и по-латыни», характеризуетъ не только языкъ подражательныхъ произведеній XVI-го столѣтія, въ который вводились греческія и латинскія слова, но и весь строй ихъ; содержаніе новаго міра облекалось въ античную форму, или, наоборотъ, античный сюжетъ являлся въ новой формѣ.

Но форма въ искусствѣ не есть нѣчто произвольное и условное: она опредѣляется содержаніемъ, должна соотвѣтствовать ему, находиться въ органической съ нимъ связи.

Такимъ образомъ возникло, развилось и утвердилось *насильственное сочетаніе разнокачественныхъ предметовъ,* что и послужило причиной неправдоподобныхъ изображеній дѣйствительности, которая являлась не въ настоящемъ своемъ видѣ, освѣщалась ложнымъ свѣтомъ, проникалась несвойственнымъ ей духомъ.

Поэзія не была уже воспроизведеніемъ жизни, потому что теряла главную свою основу — истинность.

Примѣры отступленій отъ истины часто встрѣчаются въ ложноклассическомъ періодѣ словесности у каждаго народа.

Такъ одна французская трагедія, имѣющая сюжетомъ судьбу Эдипа, измѣнила своему подлиннику (Эдипу Колонейскому, Софокла) въ той сценѣ, гдѣ Полиникъ приходитъ вымаливать прощеніе у раздраженнаго отца. Софокловъ Эдипъ, согласно понятіямъ своего времени о родительскомъ авторитетѣ, не только не прощаетъ сына, но даже отсылаетъ его отъ себя съ проклятіемъ.

Напротивъ, подражатель Софокла, какъ христіанинъ, заставилъ Эдипа изречь прощеніе, и такимъ отступленіемъ отъ подлинника исказилъ образъ страдальца: въ самомъ дѣлѣ, если главное лицо пьесы — дѣйствительно Эдипъ, то онъ

не могъ простить Полиника; если же это лицо простило, то оно не Эдипъ.

Идиллики наши любили рисовать картины сельскаго, простонароднаго быта по примѣру Ѳеокрита или Виргилія, и потому въ ихъ стихотвореніяхъ пастухи пасли стада вмѣстѣ съ пастушками, чего у насъ не бываетъ, назывались такими именами, какихъ нѣтъ въ православныхъ святцахъ, и обращались съ мольбой или клятвами къ языческимъ божествамъ о которыхъ никогда не слыхивали. Читая эти идилліи, составляемъ самое невѣрное понятіе о бытѣ нашихъ поселянъ, ихъ образѣ мыслей, чувствъ, даже рѣчи. Выведенныя въ нихъ лица выходятъ ни русскими, ни греками.

Образецъ похвальной лирики псевдоклассики взяли у Пиндара и перенесли изъ его одъ поэтическій матеріалъ въ свои произведенія того же рода.

Главной статьей этого матеріала была *миѳологія*. Что для древнихъ составляло систему религіозныхъ вѣрованій и представленій, то для стихотворцевъ христіанскаго міра обратилось въ безжизненный, механическій приборъ, который они и употребляли въ дѣло безъ всякаго сочувственнаго отношенія къ богамъ и богинямъ, не вѣруя въ ихъ существованіе, а часто и не понимая ихъ значенія.

Если бы они пользовались этимъ миѳологическимъ элементомъ, какъ простымъ сравненіемъ, введеннымъ для большей наглядности, умѣстность его не подлежала бы сомнѣнію. Такъ Пушкинъ, описавъ наводненіе 1824 г. (въ Петербургѣ), прибавилъ:

И всплылъ Петрополь, *какъ Тритонъ,*
По поясъ въ воду погруженъ.

Но въ слѣдующей строфѣ оды Ломоносова Елисаветѣ (1747 г.):

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ *) въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ,—

*) По ошибкѣ вм. Плутуса, бога богатства.

языческія божества выступаютъ уже съ своими аттрибутами и чудодѣйственными силами, которыхъ за ними не признаютъ ни самъ авторъ, ни читатели и которыя поэтому служатъ только безжизненной прикрасой, доказывая неискренность одушевленія.

Подобное тому находится и въ благодарственной одѣ Елисаветѣ (1750); нимфа (олицетвореніе рѣки Славянки) въ девяти строфахъ разсказываетъ Невѣ о преобразованіи Царскаго Села, объ украшеніи его садами и разными произведеніями искусства.

Ода есть лирика сильнаго одушевленія, возбуждаемаго великими міровыми силами и явленіями. Восторженное чувство выражается образами, въ которыхъ поэтъ видитъ соотвѣтствіе съ предметомъ, его произведшимъ.

Заимствуются эти образы изъ окружающей поэта дѣйствительности, который при ихъ выборѣ руководствуется современнымъ ему понятіемъ о томъ, что истинно велико.

Мѣриломъ истиннаго величія не могутъ служить миѳологическіе образы, ничего намъ не говорящіе и ничего не внушающіе. У Пиндара миѳъ составлялъ часть сюжета. Легендарные разсказы находились въ исторической связи съ темою стихотворенія; они напоминали героевъ, бывшихъ главою семьи побѣдителя или главою государства, къ которому онъ принадлежалъ. Притомъ, во времена Пиндара, греки питали живую вѣру въ героическій міръ, да и самъ поэтъ твердо держался своихъ религіозныхъ воззрѣній.

Свойства пиндарической оды, какъ разумѣла ее французская піитика, изложены Буало въ «Наукѣ о стихотворствѣ» и въ «Разсужденіи объ одѣ». Это изложеніе впослѣдствіи было развито подробнѣе. Теоретики хотѣли начертать точный путь излiянію одушевленнаго чувства: опредѣлили, изъ сколькихъ частей должна состоять ода, съ чего начать ее, чѣмъ оканчивать. Ей слѣдовало имѣть приступъ, предложеніе, отступленіе, пареніе, названное «лирическимъ безпорядкомъ». Ученіе о послѣднемъ всего больше доказываетъ, что сущность оды не была понята настоящимъ образомъ. Въ одѣ господствуетъ сила одушевленія и смѣлый полетъ фантазіи, которая не рисуетъ образы съ эпическою отчетливостью, а переходитъ отъ одного изъ нихъ къ другому; эти переходы

или скачки представляютъ только кажущійся безпорядокъ, на самомъ же дѣлѣ они подчиняются единству вдохновенной мысли. *Ошибка псевдоклассическихъ одъ въ томъ и заключалась, что вмѣсто этого подчиненія являлись у нихъ намѣренные разрывы содержанія,* что *переходы отъ одного образа къ другому — искусственные, а не естественные,* сообразно развитію чувства — обозначались большею частію фигурами вопрошенія и восклицанія: «но что я зрю?» «какое зрѣлище предстало!» и т. п. Короче, являлась риторическая величавость или напыщенность вмѣсто поэтическаго одушевленія.

А. Галаховъ.

„На день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы“.

На обязанности Императорской Академіи наукъ, учрежденной въ Петербургѣ Петромъ Великимъ, лежала также поставка торжественныхъ одъ на всѣ оффиціальныя придворныя празднества. До Ломоносова подобныя оды писалъ Третьяковскій, но впослѣдствіи функція эта перешла къ Михаилу Васильевичу, какъ болѣе талантливому и образованному поэту.

«Отцу русской литературы» пришлось написать не одну такую оду. Лучшая изъ нихъ та, названіе которой поставлено въ заглавіи настоящей статьи. Само собою разумѣется, что разъ онѣ составлялись по заказу, въ нихъ было очень мало естественнаго вдохновенія, этого единственнаго источника поэтической красоты. Съ другой стороны, оффиціальный характеръ одъ требовалъ отъ нихъ выполненія цѣлаго ряда условностей, отъ которыхъ зависѣла торжественность произведенія. Эти требованія сковывали творческую свободу поэта, если даже вдохновеніе озаряло его душу. И отнюдь не случайностью является тотъ фактъ, что Ломоносовъ, въ своихъ духовныхъ одахъ, представлявшихъ выраженіе интимныхъ движеній души поэта, свободный какъ истинный художникъ, — въ своихъ похвальныхъ одахъ является рабомъ ложноклассической теоріи. Нестѣсненностью мысли и настроенія объясняется поэтическое совершенство замѣчательныхъ «Размышленій» Ло-

моносова. Выполненіе всѣхъ требованій теоріи Буало — причина недостатковъ похвальныхъ одъ Ломоносова, и даже оды «На день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы». — Послѣдняя ода построена изъ 5 главныхъ частей, и потому страдаетъ многими длиннотами.

Приступъ оды подчеркиваетъ ту сторону, которую поэтъ цѣнитъ въ императрицѣ, и которую намѣренъ воспѣть. Онъ олицетворяетъ «тишину», т. е. покой, миръ, — выражаетъ свои чувства къ ней, называя ее «возлюбленной», и, обращаясь къ ней какъ къ живому существу, восторженно перечисляетъ тѣ блага, причиной которыхъ она является. Тишина — отрада «царей и царствъ земныхъ». Она же — «блаженство селъ» и «градовъ ограда». Тишина служитъ залогомъ народнаго благосостоянія, она создаетъ благопріятныя условія для развитія земледѣлія и торговли.

Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли,—

говоритъ Ломоносовъ.

Во второй строфѣ онъ говоритъ, что «великое свѣтило міра» — солнце, оглядывая «съ вѣчной высоты» землю и всѣ ея сокровища и красоты, на всемъ свѣтѣ не находитъ ничего краше Елизаветы и тишины. Имя Елизаветы не случайно поставлено передъ тишиной. Ломоносовъ объясняетъ это: тишина, говоритъ онъ, «превыше всего» въ мірѣ, но россійская императрица ее превосходитъ:

Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

Удареніе на послѣднемъ словѣ неправильное — licentia poetica, какія въ то время не считались грубымъ недостаткомъ.

Дальше (3-я строфа) Ломоносовъ объясняетъ, почему соединяетъ тишину съ именемъ Елизаветы Петровны. Дѣло въ томъ, что понятіе о мирѣ тѣсно связано съ моментомъ вступленія на русскій престолъ этой императрицы. Получивъ царскій вѣнецъ, Елизавета возвела съ собою на тронъ ти-

шину, какъ дорогого спутника своей дѣятельности, и какъ величайшій даръ своей державѣ. Она положила конецъ тѣмъ смутамъ, которыя терзали государство. Счастье подданныхъ — глубочайшая радость, какую она можетъ испытать. Она дороже императрицѣ всѣхъ тѣхъ лавровъ, которые достаются пролитіемъ потоковъ крови. Территоріальныя пріобрѣтенія ея не прельщаютъ. Она покой родной страны не промѣняетъ на весь міръ: —

Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ льется крови токъ.
Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

Приводя слова императрицы, Ломоносовъ полонъ восторга. (4-ая строфа). Онъ находитъ, что они достойны «божественныхъ устъ», и заявляетъ, что вполнѣ понимаетъ ту радость, которая охватила весь Петербургъ, когда онъ узналъ, что Елизавета Петровна вступила на престолъ и «взвела съ Собою добротъ своихъ прекрасныхъ ликъ».

Мысль о добродѣтеляхъ императрицы заставляетъ поэта вспомнить о своей собственной посредственности. Въ сравненіи съ Елизаветой Петровной онъ чувствуетъ себя до того слабымъ, что не вѣритъ, чтобъ его слово было въ силахъ вѣрно изобразить душевную красоту великой государыни. Но онъ все-же не можетъ удержаться отъ того, чтобы воспѣть ее. Щедроты императрицы ободряютъ его. Онъ сравниваетъ себя съ пловцомъ, котораго попутный вѣтеръ манитъ въ открытое море, несмотря на то, что на немъ бушуетъ буря, и который радостно отталкивается отъ берега, направляя свой челнъ, «межъ водныхъ нѣдръ». Благосклонность царицы — такъ же дѣйствуетъ на душу поэта.

И вотъ во второй части оды, въ такъ называемомъ *предложеніи* (6-ая строфа), составляющемъ переходъ отъ *приступа* къ *изложенію*, Ломоносовъ излагаетъ *тему* своей оды. Онъ намѣренъ воспѣть Елизавету Петровну, но прежде будетъ говорить о другихъ великихъ именахъ.

Эта строфа необыкновенно напыщенна и торжественна. Поэтъ приглашаетъ всю природу успокоиться и въ благоговѣйной тишинѣ выслушать его слова:

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елизаветъ.

(Елизаветъ — вторая licentia poetica).

А къ «наглымъ вихрямъ» Ломоносовъ обращается съ требованіемъ «не ревѣть, но кротко разглашать», какъ «прекрасны наши времена».

Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

Мимоходомъ Ломоносовъ подчеркиваетъ то, что составляетъ главное содержаніе *мирной дѣятельности* Елизаветы Петровны, и что больше всего ему близко въ ней, — *распространеніе просвѣщенія.*

«Велики имена», которыя хочетъ «гласить» поэтъ — это Петръ Великій, Екатерина I и ихъ дочь Елизавета.

Первыя 5 строфъ изложенія (7—11) посвящены восхваленію дѣятельности Петра Великаго и Екатерины I и легко могли бы быть опущены, — ода отъ этого только выиграла бы въ смыслѣ стройности. Но эти эпизодическія мѣста вставлены Ломоносовымъ во исполненіе правила ложноклассической теоріи, почему-то видѣвшей въ этомъ искусственномъ пріемѣ особую красоту.

Петра Великаго Ломоносовъ считаетъ человѣкомъ, «каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка», т. е., какого міръ еще не видѣлъ. Онъ былъ посланъ въ Россію Богомъ, который, ужасая величіемъ своихъ чудесъ, положилъ еще искони «себя прославить и въ наши дни». Петръ I — одно изъ замѣчательнѣйшихъ чудесъ Зиждителя міра. Россія была варварской страной. Тьма невѣжества и старины тяжелымъ бременемъ лежала на ней, заглушая въ ней всѣ живыя силы, но Петръ сумѣлъ ее пробудить отъ вѣкового сна. Его дѣло встрѣчало громаднѣйшія препятствія, — онъ всѣ устранилъ, и поднялъ свое государство на неимовѣрную высоту:

Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ Собой возвысилъ до небесъ.

Петръ Великій достигъ необыкновеннаго военнаго и морского могущества (8-ая строфа).

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.

На пустынныхъ берегахъ Невы черезъ ночь, можно сказать, выросъ колоссальный городъ, и сѣверная рѣка, скованная гранитной набережной, пришла въ недоумѣніе, не зная, что сталось съ нею.

Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Обезпечивъ Россіи политическое могущество и создавъ благопріятныя условія для культурнаго развитія родного народа, Петръ Великій обратилъ всѣ свои заботы на распространеніе европейскаго просвѣщенія. Ломоносовъ выражаетъ эту мысль весьма образно. Онъ рисуетъ картину, какъ

божественны науки
Чрезъ горы рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды...

Другими словами, науки обѣщали приняться на русской почвѣ и произвести новыя культурныя цѣнности въ русскомъ духѣ. Петръ Великій принялъ ихъ въ Россію, и народъ уже ожидалъ увидѣть результаты его трудовъ, какъ вдругъ случилось великое несчастье: смерть неожиданно похитила этого мужа, который былъ достоинъ безсмертія за свои заботы о благосостояніи народа. Смерть этого героя погрузила Россію въ глубокую печаль. Вопли народа достигли до самыхъ небесъ, и музы на Парнасѣ зарыдали, когда до ихъ ушей долетѣли стенанія. Онѣ поспѣшили отдать послѣдній долгъ покойному герою и въ глубокой печали проводили его душу къ дверямъ рая. Но въ тяжкой потерѣ утѣшила ихъ кроткая

супруга покойнаго, императрица Екатерина I, единая отрада по Петрѣ. Она, по выраженію поэта, «щедрою рукой приняла музъ», т. е. тоже покровительствовала наукѣ и искусству. Къ несчастью, ея жизнь была слишкомъ коротка, но еслибъ она жила подольше, Россія превзошла бы въ своемъ развитіи и французскую культуру:

Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась!
Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Отъ этихъ грустныхъ мыслей поэтъ рѣзко переходитъ къ изображенію картины великой радости, охватившей Парнасъ послѣ самой глубокой печали. Туда дошла вѣсть о томъ, что на престолъ вступила

Великая Петрова дщерь.

Она тоже покровительствуетъ музамъ, но своими заботами о наукѣ и искусствѣ превосходитъ даже великаго отца своего. Этими заботами она открываетъ своему народу дверь къ истинному счастью, и вотъ почему «свѣтлость окружаетъ Парнасъ», тамъ «согласно

бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ,
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики...“

Эта картина вводитъ разсказъ Ломоносова въ его настоящіе берега: пѣвецъ переходитъ къ воспѣванію Елизаветы Петровны.

Поэтъ говоритъ, что слава Елизаветы выше всякой славы въ мірѣ. Великой славы достоинъ вождь, всю жизнь проводящій на полѣ брани и выходящій побѣдителемъ изъ каждаго сраженія; но къ этой славѣ причастны также всѣ воины, сражавшіеся подъ его предводительствомъ, и онъ долженъ съ ними ее раздѣлить; кромѣ того громъ побѣдъ смѣшивается со стономъ раненыхъ, заглушается плачемъ побѣжденныхъ... Слава Елизаветы принадлежитъ ей одной нераздѣльно. Вся пространная держава россійская сливается въ одномъ чувствѣ безграничной любви къ своей императрицѣ.

Въ слѣдующихъ шести строфахъ (15—20) Ломоносовъ доказываетъ практическое значеніе наукъ для Россіи. Онъ духовнымъ взоромъ пробѣгаетъ по всей странѣ, перечисляя ея

природныя богатства. Безграничныя поля, по которымъ течетъ Волга, Днѣпръ, Обь, скрываютъ въ своихъ нѣдрахъ неистощимыя минеральныя сокровища. Открыть ихъ помогутъ тѣ науки, которыя распространяетъ императрица. Своими естественными богатствами Россія превосходитъ Индію. Она нуждается только въ искусныхъ рукахъ, для извлеченія своихъ сокровищъ изъ подъ земли. Даже снѣжныя пространства Сибири, гдѣ дикій сѣверный вѣтеръ «мерзлыми крылами взвѣваетъ русскія знамена», полны рѣдкихъ чудесъ природы. Дѣвственныя лѣса кишатъ звѣрями, которыхъ еще не пугалъ человѣческій голосъ.

Широкое открыто поле,—
Гдѣ музамъ бѣгъ свой простирать!

восклицаетъ поэтъ въ восторгѣ, спрашивая, чѣмъ можно воздать императрицѣ за такія заслуги, и заявляетъ съ великимъ подъемомъ, что народъ русскій прославитъ ея даръ до небесъ и перенесетъ плоды ея щедротъ туда, гдѣ солнце восходитъ, и гдѣ Амуръ бунтуется въ зеленыхъ берегахъ, не желая течь въ Китаѣ, и стремясь обратно въ русскіе предѣлы, находящіеся подъ покровительствомъ такой просвѣщенной государыни.

Затѣмъ Ломоносовъ снова возвращается къ объясненію цивилизующаго значенія наукъ для Россіи. Наука срываетъ мрачную завѣсу произвола. Гдѣ не было ни права, ни закона, тамъ премудрость строитъ свой храмъ и «невѣжество предъ ней блѣднѣетъ», — другими словами распространяется просвѣщеніе, растетъ торговля и заводятся коммерческія сношенія съ другими странами, даже заморскими.

Въ этомъ мѣстѣ Ломоносовъ считаетъ нужнымъ указать на тѣ значительные успѣхи, которые Елизавета Петровна уже достигла своей дѣятельностью. Русскіе торговые корабли уже появляются на восточныхъ окраинахъ Азіи, гдѣ глазамъ человѣка открывается совершенно новый міръ, гдѣ царитъ вѣчная весна, красивыя птицы носятся цѣлыми тучами въ роскошнѣйшихъ уборахъ... Разрабатываются рудники въ Уральскихъ горахъ, золото и серебро широкой рѣкою льется «во всемъ наслѣдіи» Елизаветы. По выраженію поэта, Плутонъ мятется въ горныхъ разсѣлинахъ, видя, какъ русскіе расхищаютъ его вѣковыя сокровища.

Этимъ образомъ заканчивается *изложеніе* оды. Въ четвер-

Выраженіе, что Франція «постыдилась бы съ своимъ искусствомъ предъ Невой» — вѣдь прямо непростительное преувеличеніе...

Точно также слишкомъ много громкихъ словъ и неискреннихъ преувеличеній въ восхваленіи Елизаветы Петровны. Послѣ блестящей оцѣнки исторической роли Петра Великаго, сего «человѣка, каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка», — развѣ не обидная профанація выраженіе, что Елизавета «щедроты Отчи превышаетъ»? Искусственнымъ кажется также восторгъ шестой строфы, гдѣ Ломоносовъ приглашаетъ всю природу прислушиваться къ его «восхищенной лирѣ».

Этотъ *условный восторгъ и чрезмѣрное восхваленіе* — безвкусны, совсѣмъ не поэтичны, расхолаживаютъ читателя и портятъ общее впечатлѣніе отъ этой въ сущности *умной* и *красивой* оды. Искусственное *построеніе* оды изъ пяти частей и совершенно лишніе вставные *эпизоды* нарушаютъ стройность, которая такъ восхищаетъ въ «Размышленіяхъ» Ломоносова.

Несмотря на указанные недостатки, ода Ломоносова все-же одно изъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній. На ней лежитъ печать большого ума и свѣтлой души, и это роднитъ ее съ духовными одами «отца русской литературы». Какъ человѣкъ въ высшей степени серьезный, Ломоносовъ не былъ способенъ писать пустыя бездѣлушки, и несмотря на оффиціальный характеръ разбираемой оды, она полна самаго глубокаго содержанія. Отъ первой строки до послѣдней ода представляетъ длинную цѣпь прекрасныхъ и умныхъ мыслей, свидѣтельствующихъ объ огромномъ умственномъ развитіи поэта. Даже второстепенныя идеи, высказываемыя въ одѣ, замѣчательны. Такова, напримѣръ идея о превосходствѣ мирной культурной дѣятельности надъ завоевательной политикой. Поэту противенъ видъ крови. Въ тріумфѣ полководца онъ слышитъ вопли побѣжденныхъ и стоны раненыхъ и умирающихъ. Для того времени это были совершенно новыя мысли.

Прекрасно объясняетъ Ломоносовъ въ своей одѣ значеніе науки. 23-ья строфа («Науки юношей питаютъ») прямо замѣчательна.

Основная идея оды глубоко патріотическая. Ломоносовъ горячо любитъ свое отечество, и это любовь сознательная, разумная, свѣтлая. Ломоносовъ хотѣлъ бы видѣть Россію

великой — и вѣритъ въ возможность этого. Онъ понимаетъ историческій ходъ ея развитія и великолѣпно формулируетъ ея современныя потребности. Россія — неистощимо богатая страна. Петръ Великій своей необыкновенной дѣятельностью создалъ ей положеніе міровой державы, но для полнаго расцвѣта ей нужно имѣть фактическую возможность использовать свои матеріальныя богатства. Этой возможности можно достигнуть только развитіемъ *внутреннихъ* силъ народа до соотвѣтствія съ политическимъ и государственнымъ его могуществомъ. А единственный путь къ этому — *просвѣщеніе народа,* распространеніе наукъ и искусствъ. Эта мысль красной нитью проходитъ въ одѣ и неоднократно подчеркивается Ломоносовымъ. Наука облагородитъ народный характеръ. Наука введетъ правовыя нормы въ государственную жизнь, положитъ конецъ беззаконію и произволу. Наконецъ, наука дастъ народу ключъ къ естественнымъ богатствамъ страны. Въ результатѣ будетъ — развитіе промышленности, ростъ торговыхъ сношеній.

Ломоносовъ указываетъ также на источникъ, изъ котораго русскій народъ долженъ черпать просвѣщеніе: — это *западноевропейская культура.* Однако, понимая культурную отсталость Россіи отъ другихъ европейскихъ странъ, Ломоносовъ отнюдь не сторонникъ *слѣпого* перениманія. Ломоносовъ *глубоко вѣритъ въ творческія силы русскаго народа, въ возможность развитія самобытной русской культуры.* Знакомство съ плодами другихъ культуръ для него только вспомогательная, хоть и необходимая *предпосылка* къ росту родной культуры. Дерево европейской культуры, пересаженное на русскую почву, должно принести *новые* плоды, «плоды въ *россійскомъ родѣ»,* и все же *«чистѣйшаго ума* плоды». — «Россійская земля можетъ рождать собственныхъ Платоновъ и Ньютоновъ». Эта мысль, быть можетъ, самая геніальная въ одѣ.

Страстная любовь къ наукѣ, борьба за свѣтлое и просвѣщенное будущее Россіи, стремленіе поднять родную страну на вершины міровуго культурнаго творчества — вотъ идейная протоплазма разобранной оды.

Форма оды въ общемъ тоже удачна. Образы богаты и выразительны, теченіе стиховъ легкое и плавное, языкъ богатый и гладкій.

Красиво олицетвореніе тишины (строфы 1—3) и наукъ (строфа 9). Лирическій безпорядокъ (переходъ отъ 11-ой строфы къ 12-ой) нѣсколько преднамѣренъ, но изященъ. Оригинальны и поэтичны такія выраженія, какъ: «Борей мерзлыми крылами взвѣваетъ знамена»; «число своихъ побѣдъ сравнить сраженьямъ можетъ воинъ»; «милости источникъ, ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ»; «тьмою острововъ посѣянъ, рѣкѣ подобенъ океанъ» и т. п.

Н. Г. Григорьевъ.

Грамматика Ломоносова.

Въ годъ основанія перваго русскаго университета въ Москвѣ, въ 1755 году, является и первая русская грамматика безсмертнаго Ломоносова, посвященная великому князю Павлу Петровичу.

Изъ посвященія можно видѣть, какъ смотрѣлъ Ломоносовъ на грамматику. «Тупа ораторія, — говоритъ онъ, — косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики».

О языкѣ самомъ, котораго употребленіе скрѣплялъ онъ правилами, прибавляетъ: «тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, *имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи*[1]). Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море».

Грамматика Ломоносова раздѣлена, вѣроятно по примѣру Квинтиліана, на *наставленія*. Содержаніе шести наставленій въ грамматикѣ слѣдующее: 1) О человѣческомъ словѣ вообще. 2) О чтеніи и правописаніи россійскомъ. 3) О имени. 4) О глаголѣ. 5) О вспомогательныхъ и служебныхъ частяхъ слова. 6) О сочиненіи частей слова.

Первое наставленіе, — о человѣческомъ словѣ вообще, — раздѣлено на пять главъ: 1) о голосѣ; 2) о выговорѣ и не-

1) Т. е. слова.

раздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова; 3) о сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова; 4) о знаменательныхъ частяхъ человѣческаго слова. Въ этомъ наставленіи заключается основанія общей или философской грамматики.

Въ первой главѣ, о голосѣ, показано измѣненіе его *выходкою, напряженіемъ, протяженіемъ, образованіемъ.*

Выходка состоитъ въ возношеніи и опущеніи голоса, напряженіе въ громкости и тихости, *протяженіе* въ долготѣ и краткости, *образованіе* въ отмѣнахъ или измѣненіяхъ голоса, по которымъ мы издали узнаемъ знакомыхъ намъ людей.

Во второй главѣ, о выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова, разобраны, во-первыхъ, органы, устроенные для выговора: губы, зубы, языкъ, небо и гортань съ язычкомъ и со скважинами въ ноздри; во-второмъ, буквы, какъ гласныя, такъ и согласныя, которыми выражаются нераздѣлимыя части слова.

За средоточіе буквъ Ломоносовъ принимаетъ *а*; съ одной стороны, этой гласной — *е* и *и*, съ другой — *о* и *у*. *То же самое повторяемъ мы и чрезъ сто лѣтъ.*

Между гласными различаются *дебелыя*, или тупыя (а, е, ы, о, у) и *тонкія*, или острыя (я, ѣ, и, ю).

Согласныя по органамъ раздѣляются на *губныя* (б, в, м, п, ф), *зубныя* (ж, з, с, ш), *язычныя* (д, л, н, р, т, ц, ч), *поднебныя* (г, к), *гортанныя* (х).

Съ этимъ раздѣленіемъ вполнѣ согласиться нельзя: буква *н* не просто язычная, а произносится съ содѣйствіемъ носового отверстія, равно *ц* и *ч* — согласныя сложныя и причисляются къ язычно-зубнымъ по окончательной буквѣ (*тс*, *тш*). Названныя поднёбныя буквы: *г*, *к*, принадлежатъ къ гортаннымъ.

Сверхъ того согласныя *твердыя* (п, ф, с, ш, р, т, к) различаются отъ *мягкихъ* (б, в, м, ж, з, д, л, н, г).

Въ третьей главѣ, о сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова, разсматриваются *склады* и изъ нихъ составляемыя *реченія*. Возвышеніе и пониженіе складовъ, на чемъ основывается стихосложеніе тоническое, различено отъ долготы и краткости, свойствъ метрическаго стихосложенія. «Выходка въ различеніи складовъ принимается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ, протяженіе у нѣкоторыхъ».

Въ слѣдующемъ § 32 упоминается объ удареніи, зависящемъ отъ повышенія и пониженія, «когда въ реченіи одинъ

складъ или два (напр. въ нѣмецкомъ языкѣ) выше другихъ голосовъ восходятъ».

Ломоносовъ даже призналъ (§ 34) разность складовъ чрезъ протяженіе въ древнихъ языкахъ — греческомъ и римскомъ, «такъ что и стихотворство ихъ, — говоритъ онъ, на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя посему не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у европейскихъ народовъ удареніе преимущество одержало».

Столь правильное и ясное воззрѣніе на различіе удареній отъ протяженія имѣлъ геніальный преобразователь языка нашего *за сто лѣтъ*, между тѣмъ какъ въ двадцатыхъ годахъ происходилъ ученый споръ о томъ, возможенъ ли у насъ гекзаметръ, основанный на протяженіи складовъ, а нѣкоторые даже и въ настоящее время не различаютъ протяженія отъ удареній.

Глава четвертая, — о знаменательныхъ частяхъ человѣческаго слова, всегда казалось мнѣ удивительною. Здѣсь Ломоносовъ, какъ въ наше время Беккеръ, *за основныя части слова принимаетъ имя и глаголъ*: «изображенія словесныя вещей называются *имена*; напримѣръ небо, вѣтръ, очи; изображенія дѣяній — *глаголы*; напримѣръ синѣетъ, вѣетъ, видятъ».

Имя (какъ существительное, такъ и прилагательное) и глаголъ (§ 43) называются *знаменательными*, или *главными*, прочія части слова *служебными*. *Поэтому Беккеровы* Begriffswörter и Formwörter *различены Ломоносовымъ еще за сто лѣтъ.*

Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, въ чемъ состоитъ *производженіе* и *сложеніе* именъ и глаголовъ; *степеней* именъ прилагательныхъ: положительнаго, разсудительнаго и превосходнаго; *чиселъ* и *падежей*, именъ *увеличительныхъ* и *умалительныхъ, родовъ.*

Замѣчаніе Ломоносова о родахъ показываетъ, что онъ не чуждъ былъ не только философскаго, но и *сравнительнаго языкоученія:*

«Пристойно, кажется, чтобы бездушнымъ вещамъ быть ни мужскаго, ни женскаго, но нѣкоего третьяго рода, каковъ есть у насъ родъ средній: море, небо, сердце, поле. Однако сіе такъ безпорядочно, что и средняго рода именъ животныхъ знаменуютъ: дитя, жеребя.

«Хотя раздѣленіе родовъ во многихъ языкахъ употребительно: однако слову человѣческому нѣтъ въ томъ необходимой нужды. Сіе явствуетъ, первое, изъ того, что они безпорядочны, второе, языки только мужескій и женскій родъ имѣютъ, какъ итальянскій и французскій; третіе, въ нѣкоторыхъ языкахъ весьма мало отмѣны или отнюдь нѣтъ никакихъ родовъ раздѣленія. Такъ, въ англійскомъ языкѣ роды едва различаются, и то въ нѣкоторыхъ мѣстоимѣніяхъ. У турковъ и персовъ имена всѣ одного общаго рода».

Временъ въ русскомъ языкѣ принято первою грамматикою нашею десять. *Лица, наклоненія, залоги* не представляютъ никакихъ особенностей. *Спряженій* Ломоносовъ принимаетъ два, различая ихъ по 2-му лицу единственнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. *Основаніе вѣрное и русскому языку свойственное.*

Глава пятая, о сложеніи знаменательныхъ частей слова, содержитъ начала синтаксиса, т.-е. понятія о *предложеніи простомъ* и *сложномъ*, о *переносѣ* и *опущеніи*. Такъ и въ общесравнительной грамматикѣ, изданной отдѣленіемъ, объясненіе предложенія предшествуетъ частямъ рѣчи; виды же и всѣ члены предложенія, во всей ихъ подробности, составляютъ предметъ синтаксиса.

Первое наставленіе, излагающее вкратцѣ общую или философскую грамматику, Ломоносовъ заключаетъ словами: «*общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему, разсудительному его употребленію*».

Наставленіе второе, о чтеніи и правописаніи россійскомъ, состоитъ изъ пяти главъ.

Первая — о азбукѣ россійской. Считая (§ 85) буквы і, щ, э, ю, *лишними*, о буквѣ э Ломоносовъ говоритъ: «Ежели для иностранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ китайскую».

Не ускользнула отъ вниманія Ломоносова и измѣняемость въ словопроизводствѣ и спряженіяхъ буквъ: *г*, *ж*, *к*, *х*, ц, *ч*, *ш*.

Вторая глава *о произношеніи буквъ россійскихъ*, можетъ быть переписана въ современныхъ грамматикахъ безъ малѣйшей перемѣны, по причинѣ своей вѣрности. О произношеніи

буквы *о* безъ ударенія сказано *весьма основательно*: выговаривается какъ *а, нѣсколько смѣшанное* съ *о,* а не просто *а,* какъ учатъ наши грамматики.

Третья глава о складахъ и реченіяхъ. Здѣсь замѣчательно раздѣленіе реченій на слоги, что необходимо бываетъ при переносѣ ихъ изъ одной строки въ другую, основанное на различеніи *начала сложенія*, *окончанія* и *усугубленія* буквъ (§ 102).

Четвертая глава, о знакахъ, ничего особенно замѣчательнаго не заключаетъ.

Московское нарѣчіе, «для своей отмѣнной красоты, прочимъ справедливо предпочитается, а особливо выговоръ буквы *о* безъ ударенія много пріятнѣе».

Различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ прилагательныхъ: *е* въ мужскихъ, *я* — въ женскихъ и среднихъ, указано Ломоносовымъ.

О согласныхъ *з* и *с* въ предлогахъ не опущено правило: «писать передъ мягкими *з* — *воз*ному, *из*вергаю, передъ твердыми *с* — *вос*кресаю, *ис*числяю».

О переходѣ именъ съ предлогами въ нарѣчія преподаны вѣрныя правила (§ 125): 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежомъ, напримѣръ *в-другъ*, ибо и никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежомъ не соединяется; 2) когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходитъ, напр. *вмѣстѣ:* ибо здѣсь разумѣется купно; и такъ писать должно — жить *вмѣстѣ* съ братомъ и жить въ *мѣстѣ* многолюдномъ; 3) ежели предлогъ стоитъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *вдоль, вкось.*

Склоненій Ломоносовъ принимаетъ пять. Въ продолженіе ста лѣтъ многіе слѣдовали Шлецерову раздѣленію всѣхъ флексій именъ на три склоненія; но теперь, по глубокомъ и подробномъ изслѣдованіи окончаній именъ существительныхъ и прилагательныхъ, мы возвращаемся къ системѣ склоненій творца разсматриваемой грамматики.

Въ третьей главѣ содержатся «особливыя правила склоненій», доселѣ весьма поучительныя и разрѣшающія спорные грамматическіе вопросы. Такъ, напр., нельзя не согласиться съ слѣдующими замѣчаніями:

«Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ родительномъ *у*, и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ

далѣе отъ славянскаго отходятъ: а славянскія, въ разговорахъ мало употребляемыя, лучше удерживаютъ *а:* размах*у*, час*у*, взгляд*у*, визг*у*, груз*у*, попрек*у*, перенос*у*, возраст*у*, вид*у*, трепет*а*.

«Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей весьма чувствительно, и показываетъ себя нерѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: Святого Дух*а*, человѣческаго долг*а*, ангельскаго глас*а*. Напротивъ того свойственнѣе говорится: розоваго дух*у*, прошлогодняго долг*у*, птичьяго голос*у*.

«Имена собирательныя и тѣхъ вещей, которыя по мѣрѣ, по числу или по вѣсу раздѣляются, въ родительномъ больше кончаются на *у*: анис*у*, бархат*у*,... воск*у*,... квас*у*,... льду...

«Время и мѣсто значащія существительныя по большей части въ род. на *у* склоняются: базар*у*, берег*у*... перед*у*... вечеру...»

Полезно замѣтить и слѣдующій § 184: «предложный единствен. п. *ѣ* перемѣняютъ часто на *у*, когда значитъ мѣсто или время, а особливо тѣхъ именъ, которыя *у* въ род. имѣютъ (кромѣ иностранныхъ): на берег*у*, на верх*у*, въ вечер*у*... на луг*у*... на песк*у*...»

И здѣсь Ломоносовъ прибавляетъ: «гдѣ россійскій языкъ къ славянскому клонится, окончаніе на *ѣ* преимуществуетъ... жить въ дом*ѣ* Бога вышняго...

Спряженія установлены Ломоносовымъ правильно. Онъ принимаетъ два спряженія и различаетъ ихъ, согласно съ свойствомъ русскаго языка, по окончаніямъ изъяв. н. наст. вр. ед. ч. 2-го лица: перваго глаголы кончаются на *ешь*, второго на *ишь*. Послѣ многоразличныхъ системъ русскаго глагола, мы въ спряженіяхъ соглашаемся съ нашею грамматикою, принимая только *виды*, вмѣсто десяти временъ.

Глава вторая: о первомъ спряженіи простыхъ глаголовъ. Какъ внимательно отдѣлялъ Ломоносовъ русскій языкъ отъ старославянскаго, видно изъ многочисленныхъ замѣчаній въ грамматикѣ. Къ наблюденіямъ этого рода принадлежитъ и слѣдующее, касательно дѣепричастій (§§ 351 и 388):

Дѣепричастія на *ючи* пристойнѣе у точныхъ россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ славянскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *я* употребительнѣе у славянскихъ, нежели у россійскихъ. Напримѣръ, лучше

сказать «толкаючи», нежели «толкая»; но напротивъ того лучше употребить «дерзая», нежели «дерзаючи».

Оканчивая правила о глаголахъ (§ 422), Ломоносовъ упоминаетъ и объ особомъ свойствѣ языка нашего — сокращеніи прошедшихъ неопредѣленныхъ для означенія дѣйствія скораго: глядь, брякъ, хвать, совъ, пыхъ, отъ глядѣлъ, брякалъ, хваталъ, совалъ, пыхалъ.

Въ главѣ о нарѣчіи полезно замѣчаніе, что нѣкоторыя имена, имѣющія одинъ только творительный падежъ, можно почитать за нарѣчія; нарокомъ, назоромъ, урывомъ.

Въ четвертой главѣ, о предлогѣ, не пропущенъ переходъ предлоговъ въ нарѣчія. «Ибо говоримъ: прежде времени, внутри дома, подлѣ берега... Здѣсь видимъ силу предлоговъ (т.-е. управленіе падежами). Но въ выраженіяхъ: я былъ прежде здоровъ; останься внутри; не стой подлѣ... нарѣчія находимъ».

Замѣчаніе § 463 весьма полезно: неокончательное, неопредѣленное, съ приложеніемъ прошедшаго *было*, имѣетъ силу начинательнаго глагола: мнѣ было говорить, т.-е. я хотѣлъ только начать говорить. А когда *было* назади поставится, значитъ раскаяніе въ томъ, что сдѣлалось: говорить *было*, писать *было*.

Въ § 466 Ломоносовъ упрекаетъ тѣхъ, которые по свойству чужихъ языковъ дѣепричастія отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ, тогда какъ дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ... Но многіе въ противность сему пишутъ: «идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель». А у насъ черезъ сто лѣтъ тѣ же повторяются ошибки, и не только въ устной рѣчи, но и на письмѣ.

«*Буду* (§ 469) сопрягается съ дѣйствительными и со страдательными равномѣрно: буду писать, буду писанъ; но хотя *стану писать* есть правильно, однако не говорится: станетъ написано». Въ нашихъ грамматикахъ послѣднее правило опущено.

Не забыто и перифрастическое спряженіе (§ 471), которое здѣсь приписывается просторѣчію, между тѣмъ какъ въ общесравнительной грамматикѣ заимствованы примѣры этихъ оборотовъ изъ современныхъ писателей, именно: бывало *станетъ* сказывать, а мы *смѣемся*; или — бывало станетъ сказывать,

а мы *засмѣемся;* или — бывало *придетъ* и что-нибудь *скажетъ*».

Для нашихъ грамматикъ пригодно правило § 474: «Первообразныя мѣстоимѣнія дательнаго падежа, мнѣ, тебѣ, себѣ, вмѣсто производныхъ мой, твой, свой, во всякомъ родѣ и числѣ, съ существительными въ именительномъ падежѣ произносимыми сочиняются: онъ мнѣ отецъ, тебѣ братъ, самъ себѣ другъ, вмѣсто: мой отецъ, твой братъ, свой другъ».

Равно и слѣдующее замѣчаніе (§ 495): «предлоги повторяются передъ существительнымъ и прилагательнымъ, особливо въ пѣсняхъ: *на* горѣ *на* высокой, *по* морю *по* синему».

§ 507. «Имена городовъ, по рѣкамъ прозименованныхъ, полагаются въ предложномъ падежѣ съ предлогомъ *на*: *на* Дону жить, *на* Москвѣ весело».

§ 513. «Которые на вопросъ *гдѣ* предложный имѣютъ съ предлогомъ *на*, тѣ на вопросъ *куда* требуютъ винительнаго съ тѣмъ же предлогомъ: ѣхать *на* Вятку, *на* Покровку, *на* Охту».

Разсмотрѣвъ этотъ важный трудъ творца первой нашей грамматики съ достаточною подробностью, еще съ большею основательностью можемъ сказать, что *Ломоносову предстояло все создавать самому*, какъ въ различеніи русскаго языка отъ старославянскаго, такъ и въ усвоеніи книжному языку нѣкоторыхъ формъ и реченій языка народнаго. Разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ въ нашемъ языкѣ, онъ говоритъ: «россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ». Всѣ основныя правила языка повторялись послѣдовавшими за нимъ издателями грамматикъ, съ весьма немногими измѣненіями и дополненіями; вѣрность же расположенія грамматики, начинающейся съ философскаго понятія о человѣческомъ словѣ, даже немногими была замѣчена. Современники его вовсе не признавали достоинства этого труда. Сумароковъ, во 2-мъ примѣчаніи своемъ о правописаніи, § 2, почти на каждой страницѣ укоряя Ломоносова, между прочимъ, къ вѣчному стыду своему, сказалъ: «грамматика Ломоносова никакимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка». Но и этотъ холмо-

горецъ хорошо понималъ Сумарокова. «Спрашивалъ я г. Ломоносова, — разсказываетъ тутъ же Сумароковъ, — ради чего онъ *ф*, а не *ѳ* оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако (разумѣется, издѣваясь надъ вопрошавшимъ): *эта литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодряе*». Напротивъ, мы, черезъ сто лѣтъ разсматривая эту грамматику въ связи съ предположенными имъ «филологическими изслѣдованіями и показаніями», къ дополненію грамматики надлежащими, должны сознаться, что въ сущности и въ грамматическихъ началахъ къ великому холмогорцу ничего прибавить не можемъ.

Столь великій подвигъ могъ совершить только *поэтъ и витія*, подавшій вмѣстѣ съ грамматикою, образцы поэзіи и краснорѣчія, потому что самый языкъ есть поэзія первоначальная.

Давыдовъ.

„О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ".

«Отецъ русской литературы» не ограничился практической реформой, которую произвелъ въ русскомъ языкѣ, создавъ свой легкій и изящный слогъ. Какъ ученый, онъ счелъ своимъ долгомъ теоретически обосновать свою реформу, указать на принципы, на которыхъ она построена, выяснить факты, которые ее подтверждають.

Реформа эта была назрѣвшей потребностью въ тогдашней русской культурной жизни. Древнерусскій книжный языкъ развивался стихійно, дико и преставлялъ собою механическую смѣсь самыхъ разнородныхъ элементовъ. Для того, чтобы облегчить превращеніе этого хаоса въ стройный, симметрично-сложенный организмъ, нужно было разъ навсегда выяснить *тенденціи* развитія русской книжной рѣчи, но прежде всего — его анатомію, т. е. *строеніе,* и физіологію, т. е. *жизнь.*

Эту задачу геніально выполнилъ Ломоносовъ.

Въ своей «Грамматикѣ» онъ впервые твердо установилъ тотъ принципъ, что русскій языкъ въ грамматическомъ отношеніи совершенно самостоятеленъ. До того времени даже

ученые смѣшивали русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, предполагая, что это одинъ языкъ, подчиняющійся однимъ и тѣмъ же законамъ. Ломоносовъ доказалъ, что хотя русская книжная рѣчь и представляетъ смѣсь церковно-славянской и разговорно-русской рѣчи, однако русскій языкъ имѣетъ свои этимологическія и синтаксическія особенности, рѣзко отличныя отъ церковно-славянскихъ.

Въ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ» Ломоносовъ обширно трактуетъ о значеніи церковно-славянской письменности для развитія русскаго языка. Тамъ же онъ устанавливаетъ основы русскаго *слога*, опредѣляя взаимныя отношенія церковно-славянскаго и русскаго элемента.

Въ *приступѣ* этого разсужденія Ломоносовъ выясняетъ значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго въ *синтаксическомъ* отношеніи. Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, когда русскій народъ не имѣлъ еще письменной словесности, тогда и кругъ его понятій былъ весьма ограниченъ, и русскій языкъ былъ очень бѣденъ оборотами рѣчи, передающими оттѣнки мысли. Обогащеніе въ этомъ направленіи наступило вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Церковнославянскій языкъ оказался посредникомъ между богатой греческой рѣчью и бѣдной русской. Языкъ Гомера, Пиндара и Демосфена перелилъ свои красоты въ церковно-славянскій переводъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ, а изъ церковно-славянскихъ книгъ эти красоты постепенно перешли и въ русскій языкъ, повліявъ на образованіе новыхъ оборотовъ рѣчи, запечатлѣнныхъ эллинской гибкостью и изяществомъ. Многіе изъ оборотовъ вначалѣ и были чужды русскому уху, но постепенно ассимилировались и совершенно обрусѣли.

Справедливость своего положенія о вліяніи церковно-славянской письменности на обогащеніе русскаго языка въ синтаксическомъ отношеніи Ломоносовъ доказываетъ сравненіемъ русскаго языка съ польскимъ и нѣмецкимъ. У поляковъ — народа славянскаго — богослуженіе происходитъ на чуждомъ — латинскомъ, и притомъ испорченномъ языкѣ, отъ котораго польскій языкъ не могъ получить благотворнаго вліянія. И дѣйствительно, хотя въ польскую рѣчь и перешло много латинскихъ словъ, но они отнюдь не способствовали ея красотѣ, такъ какъ не могли слиться съ нею органически,

и никогда не перестанутъ быть чужими. Нѣмецкій же языкъ былъ весьма бѣденъ въ лексическомъ отношеніи, пока у германцевъ богослуженіе происходило на латинскомъ языкѣ, и только послѣ того, какъ Лютеръ перевелъ библію на нѣмецкій языкъ, послѣдній обогатился новыми выраженіями, пышно развился и вызвалъ появленіе талантливыхъ писателей.

Въ главной части разсужденія Ломоносовъ говоритъ о **значеніи** церковно-славянскаго языка для русскаго *стиля.*

Благодаря церковно-славянскому элементу въ русскомъ языкѣ возможны *три* стиля, что свидѣтельствуетъ о гибкости этого языка, который приспособляется къ степени серьезности предмета.

Это раздѣленіе русскаго слога основано на различіи лексическихъ богатствъ языка. Дѣло въ томъ, что въ лексическомъ составѣ русской рѣчи можно различить три группы: къ *первой* принадлежатъ слова, употребительныя *и въ церковно-славянскомъ и въ русскомъ* языкѣ, напр.: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. — Ко *второй* относятся слова *чисто-церковно-*славянскія, малоупотребительныя, но всѣмъ грамотнымъ людямъ понятныя, вродѣ: отверзаю, Господень, насажденный, взываю. — Наконецъ, *третью* группу составляютъ слова *чисто-русскія,* которыхъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ нѣтъ, напр.: говорю, ручей, который, пока, лишь. — Изъ второй группы — прибавляетъ Ломоносовъ — надо исключить слова устарѣлыя и совсѣмъ не употребительныя, вродѣ: обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ; а изъ третьей — такъ называемыя *«презрѣнныя»,* т. е. простонародныя слова.

Изъ различнаго сочетанія отдѣльныхъ группъ получаются три стиля. Такъ называемый *высокій* стиль есть результатъ соединенія словъ *первой* и *второй* группы — и употребляется въ героическихъ поэмахъ, торжественныхъ одахъ и тому подобныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ говорится о высокихъ предметахъ. — Соединеніе словъ *первой* и *третьей* группы даетъ такъ называемый *средній* стиль, которымъ пишутся сатиры, эклоги, элегіи и научныя сочиненія. Въ средній стиль допускаются и слова изъ второй группы, однако пользоваться ими надо весьма умѣренно и осторожно, чтобъ слогъ не казался надутымъ. Съ другой стороны можно въ этотъ стиль ввести и слова низкія, т. е. простонародныя, но тоже

весьма обдуманно, чтобъ слогъ не сталъ слишкомъ вульгарнымъ, или какъ Ломоносовъ выражается, «чтобы не опуститься въ подлость». — Наконецъ, такъ называемый *низкій* стиль получается отъ соединенія словъ *первой* и *третьей* группы, причемъ слова второй уже не допускаются, за то можно гораздо свободнѣе пользоваться простонароднымъ элементомъ. Низкій стиль примѣнимъ въ комедіяхъ, эпиграммахъ, пѣсняхъ, дружескихъ письмахъ и описаніяхъ обыкновенныхъ вещей и явленій.

Во второй половинѣ разсужденія Ломоносовъ говоритъ о томъ значеніи, какое церковно-славянскій языкъ имѣетъ для русскаго въ другихъ отношеніяхъ, т. е. кромѣ только-что указаннаго стилистическаго.

Итакъ, — «*по мѣсту*» церковно-славянская письменность имѣетъ то значеніе для русскаго языка, что оградила его отъ распаденія на мѣстныя нарѣчія. Русскій народъ заселяетъ огромнѣйшія пространства, и при дальности русскихъ разстояній, было бы естественно, чтобъ каждая область выработала себѣ особое нарѣчіе, непонятное въ другихъ областяхъ. Однако, этого не произошло. Правда, есть различія, иногда крупныя, между отдѣльными областными нарѣчіями, однако онѣ не настолько велики, чтобы стать стѣною между ними. Всѣ русскія нарѣчія развивались подъ однимъ и тѣмъ же вліяніемъ, такъ какъ весь русскій народъ слушалъ богослуженіе на одномъ и томъ же языкѣ. Чтобы объяснить все значеніе этого явленія, Ломоносовъ указываетъ на примѣръ Германіи. Тамъ, какъ сказано, богослуженіе происходило на чуждомъ и непонятномъ для нѣмецкаго уха латинскомъ языкѣ, и, не сдерживаемыя общимъ нивелирующимъ началомъ, отдѣльныя нарѣчія въ своемъ развитіи до того разошлись, что баварскій простолюдинъ, напримѣръ, не пойметъ мекленбургскаго, или бранденбургскій — швабскаго, хотя принадлежатъ къ одному народу.

Сила этого вліянія церковной письменности на русскій языкъ доказывается также живущими за Дунаемъ славянскими народами. Языкъ православнаго богослуженія оказался связующимъ началомъ между отдѣльными родственными племенами славянскаго происхожденія. Хотя балканскіе славяне отдѣлены отъ русскихъ иноязычными народами, однако ихъ языки довольно понятны русскимъ, — потому

что тоже развивались подъ вліяніемъ церковно-славянскаго. Между балканскими языками и русскимъ гораздо больше сходства, чѣмъ между русскимъ и польскимъ, несмотря на непосредственное сосѣдство обѣихъ странъ.

«*По времени*» церковно-славянскій языкъ важенъ для русскаго тѣмъ, что какъ бы устанавливаетъ нравственную связь между предками и самыми отдаленными потомками. И дѣйствительно, русскіе нашего времени свободно понимаютъ тотъ языкъ, которымъ говорили его предки 700 лѣтъ назадъ, а люди другихъ національностей (напр. французы) не въ состояніи, безъ особой подготовки, понять того языка, на которомъ говорили ихъ предки даже 400 лѣтъ назадъ. Объясняется это, какъ сказано, сдерживающимъ вліяніемъ церковной письменности, которая на всемъ протяженіи исторіи русской рѣчи направляла ея развитіе.

Изъ всего сказаннаго Ломоносовъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что всякій любитель отечественнаго слова долженъ съ прилежаніемъ читать всѣ церковныя книги. По собственному опыту «отецъ русской литературы» утверждаетъ, что отъ этого «воспослѣдуетъ общая и собственная польза», и въ доказательство своей мысли приводитъ три мотива: *во первыхъ,* церковно-славянскій языкъ является какъ-бы вторымъ роднымъ языкомъ для каждаго русскаго человѣка, который чувствуетъ невольное уваженіе къ нему, какъ къ языку богослуженія, притомъ очень древнему языку. Благодаря этому въ русскомъ языкѣ возможенъ *высокій* стиль для произведеній объ особенно возвышенныхъ предметахъ. *Во вторыхъ,* благодаря церковно-славянскимъ элементамъ возможно различіе между вторымъ и третьимъ стилемъ, сообразно важности темы и мысли, и, наконецъ, въ *третьихъ,* путемъ разумнаго и осторожнаго заимствованія изъ церковно-славянскаго языка, русскій языкъ можетъ пріобрѣсти недостающія ему слова для новыхъ понятій, и тѣмъ избѣжать переполненія варваризмами, переходящими изъ чуждыхъ языковъ и искажающими его природную красоту.

Въ *заключеніи* Ломоносовъ высказываетъ надежду, что краткаго напоминанія, сдѣланнаго имъ въ разсужденіи, будетъ достаточно, чтобы повліять въ желательномъ направленіи на тѣ элементы русскаго общества, которые заботятся о

прославленіи отечества развитіемъ родного языка, зная, что ростъ литературы является залогомъ народной славы.

Для безсмертія народа недостаточно однихъ военныхъ подвиговъ. Мало ли было въ доисторическую эпоху народовъ и государствъ, имѣвшихъ великихъ героевъ и интересную общественную жизнь, — всѣ они забыты, потому что не имѣли великихъ художниковъ, которые увѣковѣчили бы ихъ память въ живомъ словѣ. Ломоносовъ приводитъ слова Горація:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Прямо противоположный примѣръ даетъ намъ судьба древнихъ грековъ и римлянъ. Ихъ государства пали, языки вышли изъ живого употребленія, но слава ихъ подвиговъ еще гремитъ понынѣ: у нихъ были великіе писатели, воспѣвшіе свой народъ и его героевъ. И современное человѣчество, тысячелѣтіями и пространствомъ отдѣленное отъ этихъ народовъ, съ тѣмъ же живымъ трепетомъ сердца, какъ и современники, читаетъ пѣсни Гомера о Гекторѣ и Ахиллесѣ или громовыя рѣчи Цицерона противъ Катилины.

Послѣднія строки своей статьи Ломоносовъ посвящаетъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ говоритъ, что благодаря ей и Россія имѣетъ то же счастье, что древняя Грецiя и Римъ. Императрица горячая ревнительница русскаго просвѣщенія. Ея заботами растетъ русская наука, которая никогда не дастъ пасть русскому слову. И самые отдаленные потомки сумѣютъ читать о великихъ дѣлахъ Петра I и его просвѣщенной дочери.

Начала русскаго слога, выясненныя и установленныя Ломоносовымъ, легли въ основу дальнѣйшаго развитія русской литературной рѣчи. Какъ бываетъ со всѣми великими реформами, и преобразованія, сдѣланныя Ломоносовымъ, нашли себѣ такихъ горячихъ приверженцевъ, которые только исказили ея тенденціи. Они нарушили пропорцію, указанную Ломоносовымъ, и впали въ крайность, злоупотребляя церковнославянскимъ элементомъ и черезъ мѣру переполняя свой

слогъ славянскими словами. Въ результатѣ получилось нарушеніе той «равности слога», какой добивался Ломоносовъ, т .е. той гармоніи, которая дѣлаетъ слогъ чѣмъ то слитнымъ, стройнымъ, съ незамѣтными и естественными переходами изъ одного стиля въ другой. Между отдѣльными стилями, установленными Ломоносовымъ, постепенно образовалась пропасть, словно раздѣлившая единый русскій языкъ на нѣсколько. Это явленіе особенно ярко проявляется въ слогѣ Фонвизина, напримѣръ. Никто не сказалъ бы, что изъ-подъ того пера, которое творило «Недоросль», въ большей своей части написанный легкимъ игривымъ народнымъ языкомъ, могли выйти такія строки: «Злыхъ томко оплакивати должно, ибо содѣяннаго собою зла уже исправити не могутъ... Приближаясь къ концу дней моихъ, о еслибъ я возмогъ, преходя словомъ жизнь Марка Аврелія, почтить предъ очами вашими послѣднія дней моихъ минуты! А ты, присутствуяй здѣсь, наслѣдникъ и сынъ его, внемли добродѣтелямъ и дѣяніямъ отца своего!»...

Но эти уклоненія, конечно, нисколько не уменьшаютъ значенія ломонософской реформы. Она разъ на всегда опредѣлила линіи развитія русской рѣчи, и второму преобразователю ея, Карамзину, оставалось только слѣдовать завѣтамъ своего великаго предшественника.

Н. Г. Григорьевъ.

„Слово Петру Великому“.

Нѣтъ, кажется такого уголка въ русской культурной жизни, котораго не коснулся бы Ломоносовъ своимъ животворящимъ геніемъ. Реформаторъ русскаго языка и стихосложенія, отецъ новой русской поэзіи «холмогорскій мужикъ» былъ также творцомъ новой русской ораторской рѣчи. Изъ его многочисленныхъ «похвальныхъ словъ» особенный интересъ представляетъ «Слово Петру Великому».

Оно написано по всѣмъ правиламъ ложноклассической реторики, и состоитъ изъ шести частей.

Въ *приступѣ* Ломоносовъ указываетъ поводъ, побудившій его произнести свою рѣчь. Это — священное *коронованіе* Елизаветы Петровны. Но что за связь между темой «Слова»

и этимъ событіемъ? Ломоносовъ даетъ подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Присутствуя при коронованіи Елизаветы Петровны, ораторъ не можетъ не вспомнить объ ея отцѣ. Это не случайная ассоціація мыслей. Дѣло тутъ не въ простомъ фактѣ кровнаго родства новой императрицы съ великимъ преобразователемъ Россіи. Между ними существуетъ болѣе глубокое родство: *духовное*. Царствованіе Елизаветы является идейнымъ продолженіемъ царствованія Петра I. Въ томъ, что она наслѣдуетъ своему геніальному отцу, Ломоносовъ видитъ божественную волю. Уже по своему рожденію Елизавета была предназначена въ наслѣдницы русскаго престола. Она родилась въ самый годъ Полтавской битвы и въ тотъ моментъ, когда Петръ Великій, увѣнчанный славой, тріумфально вступалъ въ Москву. Этимъ знаменательнымъ совпаденіемъ Провидѣніе какъ бы хотѣло показать, что Елизаветѣ суждено когда-нибудь вступить на русскій тронъ.

Ломоносовъ считаетъ ее истинной преемницей слова и дѣяній Петра Великаго. Вступивъ на престолъ, она прежде всего обратила вниманіе на внутреннее состояніе Россіи, — положила конецъ терзавшимъ Россію смутамъ, — по выраженію Ломоносова — «излѣчила Россію отъ внутреннихъ болѣзней, которыя иногда бываютъ опаснѣе внѣшнихъ бѣдствій». Если человѣку, — говоритъ ораторъ — ставится въ заслугу спасеніе одного человѣка, то чѣмъ же воздать Елизаветѣ Петровнѣ, которая принесла спасеніе и обновленіе цѣлому народу? Дѣянія Елизаветы во всемъ соотвѣтствуютъ дѣяніямъ Петра Великаго. Ея коронованіе вызвало во всей Россіи самую живую и самую искреннюю радость, потому что «великая Петрова дщерь» служитъ защитницей народа. А враги Россіи, узнавъ роковую для себя вѣсть, пришли въ ужасъ. Непріятельскія войска обратились въ бѣгство предъ русской арміей, въ постыдномъ страхѣ скрываясь куда кто могъ. Но сильная рука Елизаветы находитъ ихъ всюду, тѣсня и давя ихъ — однимъ своимъ великодушіемъ. «Золото и серебро широкой рѣкою полилось изъ нѣдръ земли; бремя податей, лежащее на подданныхъ, облегчено; земля не обагряется русской кровью, ни внутри, ни внѣ государства; строятся великолѣпныя зданія, и справляются суды, насаждаются науки; въ государствѣ царитъ возлюбленная тишина»...

А такъ какъ Елизавета Петровна истинная преемница Петра I, — она же наслѣдница его славы, и слѣдовательно, восхваленіе Петра Великаго является какъ бы восхваленіемъ Елизаветы Петровны.

Въ *предложеніи* (вторая часть рѣчи) Ломоносовъ указываетъ задачу своего «Слова». Наука давно уже должна была оцѣнить значеніе Петра Великаго. И академія наукъ давно уже желала въ спеціальномъ торжественномъ собраніи почтить «несравненныя дѣла своего основателя». Но понимая, съ какой темой они имѣютъ дѣло, о какомъ человѣкѣ имъ надо говорить, ученые не рѣшались взяться за этотъ трудъ. О Петрѣ Великомъ приходится сказать много такого, чего еще не приходилось говорить ни о какомъ героѣ, а потому нѣтъ и такихъ образцовъ краснорѣчія, которые служили бы путеводной нитью человѣку, взявшему на себя задачу прославленія Петра Великаго. Ломоносовъ сознаетъ, что можетъ быть и ему не вполнѣ удастся справиться съ этой задачей, но онъ готовъ скорѣе «показать недостатокъ въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности къ памяти Петра Великаго».

Рѣшившись прославлять Петра I, ораторъ находится въ недоумѣніи, съ чего ему начать: говорить ли ему о тѣлесной красотѣ Петра, о его физическихъ силахъ, которыя дали ему возможность перенести многочисленныя трудности, работать черезъ силу и преодолѣть всѣ препятствія, представлявшіяся ему на его пути? Говорить ли о его душевныхъ качествахъ? Но, понимая, что обликъ Петра Великаго можетъ быть обрисованъ только въ его дѣяніяхъ, Ломоносовъ намѣренъ начать свою рѣчь именно съ описанія славныхъ дѣяній великаго преобразователя Россіи.

Въ *раздѣленіи* (третья часть рѣчи) излагается тотъ планъ, котораго ораторъ намѣренъ держаться въ изложеніи. Сперва онъ имѣетъ въ виду *перечислить* важнѣйшія *дѣянія* Петра Великаго, потомъ *указать* на тѣ *препятствія*, которыя первый русскій императоръ одолѣлъ при совершеніи своихъ дѣлъ, и, наконецъ, выставить его «добродѣтели», т. е. нравственныя силы, которыя были его помощниками въ его великихъ дѣлахъ.

Въ *изложеніи* (четвертая часть рѣчи) Ломоносовъ выполняетъ этотъ планъ. Эта часть рѣчи представляетъ болѣе подробное развитіе тѣхъ мыслей, которыя въ сжатой формѣ

были уже выражены въ эпизодическихъ строфахъ оды «на день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны», а потому мы передадимъ ее по возможности кратко.

Сначала ораторъ перечисляетъ важнѣйшія дѣянія Петра Великаго. Послѣдній первый понялъ значеніе науки и заботился о ея распространеніи въ Россіи. Для этого онъ приглашалъ изъ-заграницы ученыхъ и различныхъ мастеровъ, велѣлъ переводить на русскій языкъ разныя полезныя книги. Собственнымъ примѣромъ искоренялъ онъ всеобщее недовѣріе къ наукѣ. Онъ открылъ русскому обществу новый источникъ эстетическаго наслажденія, которое старое поколѣніе не знало и о существованіи котораго, быть можетъ, даже не подозрѣвало.

Заботясь о политическомъ могуществѣ Россіи, Петръ Великій завелъ регулярное войско, которое довелъ до виртуозной выправки, и съ которымъ совершалъ чудеса, несмотря на то недовѣріе, съ какимъ относилось къ его новшествамъ большинство русскаго общества.

Русское государство почти со всѣхъ сторонъ окружено морями, доступными для плаванія, но русскіе никогда не пользовались ими. Петръ Великій первый замѣтилъ ошибку своихъ предшественниковъ и создалъ русскій флотъ. Словно по мановенію волшебнаго жезла, русскія моря и рѣки покрылись кораблями, лѣса мачтъ виднѣются въ гаваняхъ и пристаняхъ, придавая мѣстности живописный видъ. Петръ Великій завелъ морскія торговыя сношенія съ западной Европой. Русскій флагъ гордо развѣвается во многихъ иностранныхъ портахъ, и иностранные корабли спѣшатъ къ русскимъ берегамъ, неся излишекъ своихъ естественныхъ произведеній.

Затѣмъ Ломоносовъ перечисляетъ всѣ тѣ качества, которыя помогли Петру I совершить всѣ великія дѣянія. Благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, справедливость, нечеловѣческое трудолюбіе — вотъ тѣ качества, которыми обладалъ Петръ Великій. Будучи могущественнымъ монархомъ, онъ не гнушался простой физической работой и изучилъ много ремеслъ. Трудно повѣрить, что одинъ человѣкъ, въ теченіе своей кратковременной жизни могъ совершить столько дѣлъ, и кажется, что на этотъ трудъ потрачены тысячелѣтія.

— Я въ полѣ межъ огнемъ, — восклицаетъ ораторъ: — я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями;

я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами, я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ *Петра* Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча».

Въ *патетической* (пятой) части своей рѣчи Ломоносовъ сравниваетъ Петра I съ другими людьми, которые заслужили въ исторіи прозваніе «великихъ», и приходитъ къ тому заключенію, что у всѣхъ этихъ героевъ таланты или даже геніальность страдала односторонностью: одинъ былъ великій воинъ, но плохой администраторъ; другой отличался многими добродѣтелями, но не сумѣлъ удержать своего отечества отъ паденія; третій — хорошій полководецъ на сушѣ — боялся моря; четвертый, наоборотъ, былъ на морѣ, какъ въ своей стихіи, а на сушѣ проигралъ бы самую глупую битву; пятый любилъ науки, но боялся шпаги. Петръ I былъ *всеобъемлющимъ геніемъ*. То, что Римъ сдѣлалъ за 250 лѣтъ, Петръ Великій выполнилъ за свою кратковременную жизнь, и если вообще можно кого либо сравнивать съ Богомъ, то справедливѣе всего сдѣлать это съ Петромъ I.

Великую услугу оказалъ онъ Россіи и тѣмъ, что оставилъ ей свою дочь Елизавету, которая неуклонно движется по тому пути, который намѣтилъ ея геніальный отецъ, и стремится къ той же возвышенной цѣли — возвеличить Россію.

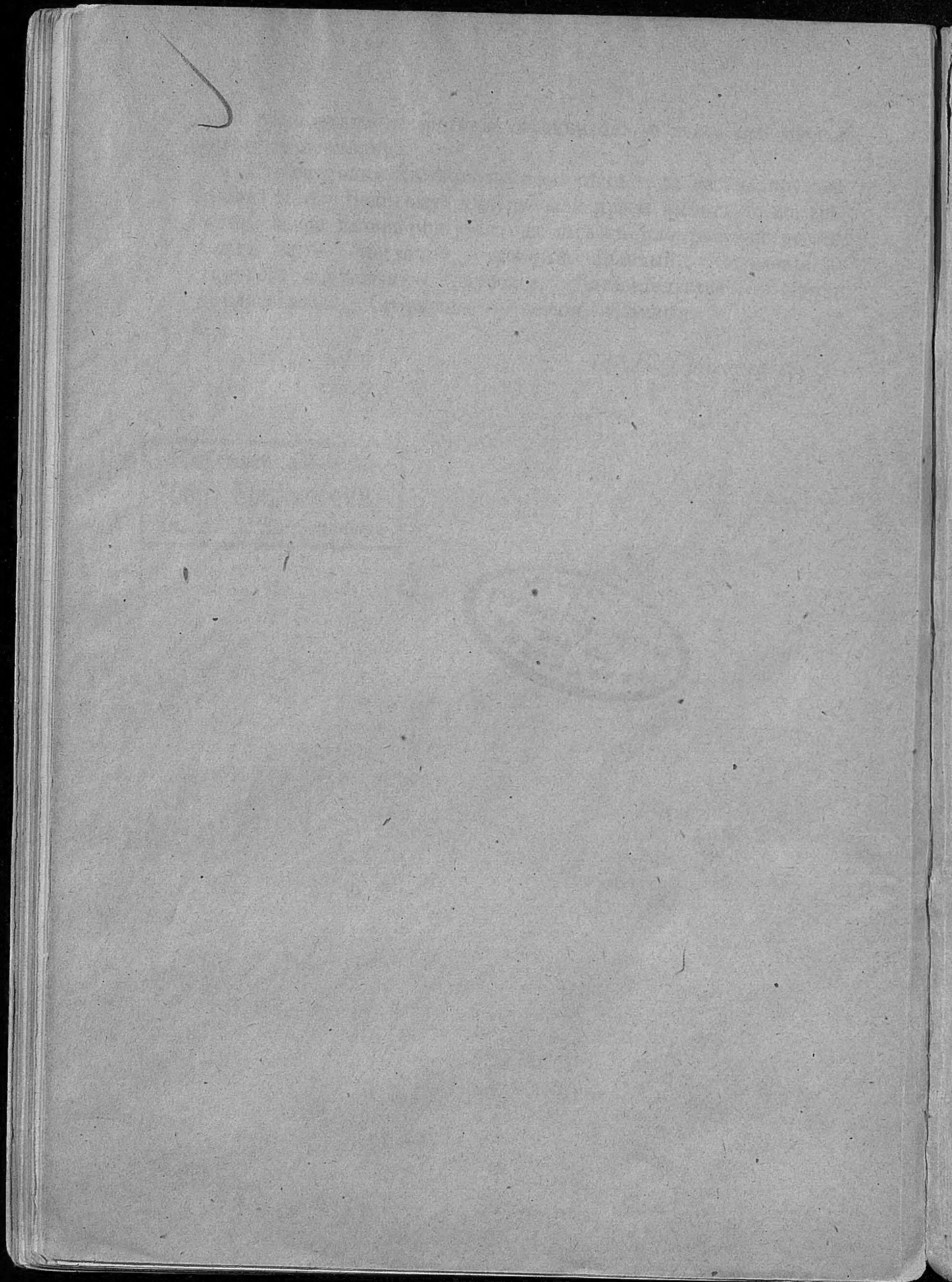
Въ *заключеніи* (шестая часть рѣчи) Ломоносовъ обращается къ духу Петра Великаго, умоляя его принять рѣчь, какъ скромный знакъ благодарности.

Разобранное «Слово» Ломоносова по духу и содержанію родственно его одѣ «На день восшествія». Какъ и послѣдняя, оно исполнено глубокихъ мыслей — о значеніи науки, о значеніи мира для развитія народа. Ломоносовъ обнаруживаетъ замѣчательное пониманіе русской исторіи: личность Петра Великаго геніально разгадана и обрисована въ его «Словѣ». Чув-

ство пламеннаго патріотизма проникаетъ «Слово» отъ первой фразы до послѣдней.

Литературныя достоинства этой рѣчи тоже весьма крупны. «Слово Петру Великому» для русской прозы имѣетъ то же значеніе, какое вышепомянутая ода имѣетъ для русской поэзіи. Слогъ ея — блестящій, стройный, плавный. Изложеніе — упругое, округленное, глубокое. Доказательства — яркія, убѣдительныя. Сравненія — четкія, удачныя.

Н. Г. Григорьевъ.

Книгоиздательское Товарищество „ОРОСЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Итальянская, 27.

ВАРШАВА,
Новый Свѣтъ, 70.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 15 ВЫПУСКОВЪ СЕРІИ

„КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА“:

№ 1.	Ломоносовъ,	его	жизнь	и	творчество.	Цѣна	— Р. 40 к.
№ 2.	Державинъ,	„	„	„	„	„	
№ 3.	Карамзинъ,	„	„	„	„	„	— „ 35 „
№ 4.	Жуковскій,	„	„	„	„	„	
№ 5.	Грибоѣдовъ,	„	„	„	„	„	
№ 6.	Пушкинъ,	„	„	„	„	„	
№ 7.	Лермонтовъ,	„	„	„	„	„	
№ 8.	Гоголь,	„	„	„	„	„	
№ 9.	Крыловъ,	„	„	„	„	„	
№ 10.	Тургеневъ,	„	„	„	„	„	
№ 11.	Гончаровъ,	„	„	„	„	„	
№ 12.	Достоевскій,	„	„	„	„	„	
№ 13.	Островскій,	„	„	„	„	„	
№ 14.	Ал. Толстой,	„	„	„	„	„	
№ 15.	Левъ Толстой,	„	„	„	„	„	

Подробный каталогъ Книгоиздательскаго Т-ва „Оросъ“ высылается по первому требованію.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества.

С.-Петербургъ: 1) Гостиный Дворъ, 18. 2) Невскій пр., 13. | **Москва:** 1) Кузнецкій Мостъ. 2) Моховая ул., 22

и у Акц. О-ва Типографск. Дѣла въ С.-Петербургѣ, 7 Рота, 26.